

ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ОКОН

Стихи и проза студентов РГГУ

Москва
2007

Благодаря поддержке Управления по работе со студентами РГГУ (<http://student.rggu.ru>), при участии газеты «Аудитория» (gazeta@rggu.ru)

День открытых окон: стихи и проза студентов РГГУ. – Москва: Альманах, 2007. – 96 с.

ISBN 978-5-86435-016-4

В альманахе собраны стихи и проза студентов РГГУ. Среди авторов – как начинающие, так и уже достаточно известные в литературных кругах. Адресуется всем – от студентов до преподавателей, а также интересующимся современной литературой.

ISBN 978-5-86435-016-4

© День открытых окон, 2007

РГГУ открывает окна. От составителя	5
СТИХИ	
Александра Бабушкина.....	8
Антон Буланков	11
Анастасия Векшина	16
Елена Драчевская	18
Валентина Канухина.....	20
Екатерина Малова	23
Дмитрий Неизвестен	25
Лев Оборин	27
Анна Орлицкая	31
Майя Руцкая	35
Мария Свидзинская	37
Виктория Середа	39
Юлия Стародубцева	41
Екатерина Яшина	42
ПРОЗА	
Камиль Айсин	44
Юлия Боровикова	47
Светлана Воронцова-Павлова	51
Валентина Зобнина	54
Оксана Иванченко	57
Ирина Кривенкова	63
Варвара Маркина	67
Александр Поливанов.....	71
Ева Рапопорт.....	76
Владимир Стофорандов	82
Анастасия Талицкая	84
Вера Топорова	88
Маргарита Шатина	90
Данила Давыдов. Сборник как доказательство.....	92

РГГУ открывает окна

Альманах «День открытых окон» – литературное приложение к газете РГГУ «Аудитория».

В феврале 2007 года по инициативе студентов в нашем университете был организован Литературный Проект – объединение молодых авторов, пишущих стихи и прозу. Его участниками стали студенты разных курсов и факультетов, интересующиеся современной литературой и стремящиеся совершенствовать свое литературное мастерство.

В феврале–мае 2007 года в рамках ЛитПроекта было проведено несколько встреч, на которых молодые авторы из нашего университета выступали со своими стихами и прозой, обсуждали произведения друг друга, выслушивали критику и совершенствовали свои тексты.

В основу альманаха легли произведения постоянных участников Литературного Проекта, выступавших в течение года на литературных вечерах в РГГУ. Многие авторы публикуются впервые. Сюда также вошли тексты достаточно известных за пределами университета авторов, учащихся в РГГУ (Лев Оборин, Александр Поливанов, Анастасия Векшина).

Альманах представляет собой своего рода отчет о литературной жизни студентов РГГУ за год. В нем собраны стихи и короткие прозаические произведения – рассказы, миниатюры. Авторы учатся на разных курсах и факультетах (к моменту выхода альманаха некоторые уже закончат университет), работают в разных жанрах и стилях, пишут о разном и по-разному. Объединяет их то, что все они – студенты РГГУ.

Анна Орлицкая

СТИХИ

АЛЕКСАНДРА БАБУШКИНА

* * *

стоять на балконе
вдыхать острый ранящий воздух
возвращаться в комнату
где ударит волна тепла
до головокружения
писать бесконечное *vita brevis est*
черной ручкой у себя на запястье
на долгую память
откусывать алоэ прямо с колючками
пережевывать медленно
по дороге в ванную
ударяться лбом о косяк
потому что не видно
где и что
пить холодную воду из-под крана
как в детстве
безо всякого страха
заболеть

* * *

должно быть,
чтобы почувствовать дом домом
мне нужно, как кошке
его обжить
походить по пустым комнатам
дотронуться до книжных полок
постоять у окна
в ожидании...

* * *

катаемся по кругу
карусельные лошадки
с двух разных сторон
вращающейся балки в центре
карусельные лошадки
делаем вид
что играем в прятки

РЕКА В СНЕГУ

В полуболезненном бреду
Я вижу снег и лед.
И ты идешь, и я иду,
И кто-то там идет.

Деревья клонятся к реке,
Река покрыта льдом...
И город виден вдалеке,
И то с большим трудом...

Застыли в небе облака –
Морозный зимний дым...
И даже ветер над рекой
Нам кажется седым.

В снегу протоптаны следы
Быть может – мы прошли...
Идем неспешно вдоль реки,
Скрываемся вдали...

Хочу получше рассмотреть –
И ударяюсь лбом...
Висит картина на стене
И комната кругом...

А на картине снег и лед,
Река молчит во льду...
Кто там идет?.. Там ты идешь?..
И, может, я иду?..

ПАСХАЛЬНАЯ СЛУЖБА

Поплыли тихо огоньки...
Вновь перезвон летит с реки...
И все так, словно на открытке:
Реально так... и все же зыбко...

И так реальны все слова,
Что в сердце снова острова –
Покоя – Патмос, мира – Крит...
А перезвон – летит, летит...

И все почти – так далеко...
Есть только возглас над рекой...
Да звон – что льется, льется...
Да в сердце теплою волной –
Так – «Милость мира»... отзовется...

* * *

Вступая в Страстную Седмицу
Как будто – сквозь зеркало вдруг,
Которое может разбиться
От мысли одной, милый друг...

Как будто сквозь зеркалоходишь
Во что-то – реальней тебя...
И думаешь, дышишь и смотришь
Как после большого дождя...

Как после ненастной погоды
Надежда в душе затаится...
Как в чистую с льдинками воду...
Вступаешь в Страстную Седмицу...

АНТОН БУЛАНКОВ

* * *

воздух с легким привкусом меди
свитый кольцами, похожий на тромбон
ложится в легкие тонким пеплом сгоревшего текста
ложится снежнонежно
медленно
легко
время вязко, неустойчиво и липнет к рукам как тесто
кажется вторник.
вагон метро
лица людей такие усталые и невинно-озлобленные
напоминали картины Босха
время постепенно твердело обретая
структуру и консистенцию воска
между Волгоградкой и Текстильщиками
поезд выскочил из тоннеля.
я свернул темпоральную массу в косяк
и в несколько тяг
зло и просто выкурил в вагоне все время
потом в застывшем мгновении созерцал слияние рельс и колес, не столько
видя, сколько ощущая плавнометалльные движения кожей.
чувство повторяемости. мир не меняется. я уже видел все то же.
я ехал в вагоне метро сквозь слепящее синевой безвременье
в воспаленном мозгу
как занавеска на ветру
колыхалась мысль о прощении
и воскресении.

* * *

год номер два-ноля-семь
город Москва
метель
снег заполняет все
разноцветный снег в лучах фонарей
кажется что он идет прямо из них
и если бы не температура воздуха минус пять по Цельсию
то ветер был бы похож на средиземноморский бриз
снег

идет
вниз
снежинки – белые мухи
а может в экстазе кружатся духи
а может просто нет ничего
произошедшее три шага назад произошло триждыбесконечнодавно
снег – это самое белое на свете вино
это венозная кровь мироздания
это радость отчуждения и непонимания
это полет миллиардов птиц
снег
идет
вниз

ПРОПОВЕДЬ

каждая вещь говорит о Боге
но ни одна не говорит о Нем всего
каждая вещь молчит о Боге
но ни одна не вымолчит о Нем всего
каждая капля дождя – о Нем
каждый ожог на коже – о Нем
алкоголь и наркотики имеют смысл
только когда есть Он
в противном случае
осмысленно только одно
повеситься на бельевой веревке
обожравшись барбитуратов
и вырезав вены.
Аминь.

* * *
я убедил себя в том что никого не люблю
но непонятно почему
вновь и вновь
в тесной полутемной маршрутке
укуренный туркестанской травой
пишу стихи про любовь
пока возвращаюсь домой.

* * *
говорят что асфальт и железобетон
говорят любовь-морковь и кранты
говорят что синий вагон
говорят что менты
и еще
провода
трубы
трубопроводы
все это напоминает о вечности
я смотрю на лица людей
а в них так ничтожно мало человеческого

* * *
у реальности надорвана первая страница
нелепыми опечатками смотрят человеческие лица
ищу новую дозу чтобы добиться
зачем?
чтоб перейти границу
и оттуда тебе присниться.

* * *
чайник и две пиалы
застыли в ожидании чуда
в ожидании тишины
в ожидании того что будет
застыли чайник и две пиалы
в ожидании тишины
накануне гражданской войны

* * *
существуют словари почти всего
а я напишу словарь любви
и в нем будет всего два слова:
я и ты

ЛЕСТНИЦА СО СЛОМАННЫМИ СТУПЕНЯМИ

вздыблено
вспорото
взрезано

ударом
немой
пустоты

начало
нелепой
пьесы

в которой
герой
ты

* * *

прошу тебя,
побудь немного со мной
возьми мою руку в свои ладони
посмотри мне в глаза
холодно...
не дай мне уйти
обними меня
останови
так не хватает тепла
побудь немного со мной,
прошу тебя

* * *

21 строчка ни о чем
а за немывтым окном
синее небо
и желтые пятна солнца
на улицах и стенах.
воскресение.
конец недели
все замерло
все неподвижно
даже само движение.

* * *

я рисую цветными мелками портрет Бога
рисую с натуры, естественно
то что я вообще не умею рисовать
на данный момент несущественно
сiju по-турецки на синем ковре
передо мной лист бумаги и пиала с зеленым чаем
внутри пополам – пустота и свобода
и этого вполне достаточно
чтобы рисовать Бога цветными мелками

АНАСТАСИЯ ВЕКШИНА

* * *

Нет печали – синие стены прокуренные цветы
смотрят как дождь собрался с силами но чего-то ждет
чистая пустая посуда до обеда еще далеко все ушли
мы чистая сухая посуда не покрытая полотенцем на кухне перед дождем
часы тикают не так отчетливо чтобы нас разбудить
и Сократ пьет воду из миски негромко как будто лень

лифт утробно везет кого-то наверх
ожиданье дождя густеет со всех сторон
хорошо бы с ним встретиться дождь подходящий звук
подходящий к молчанию раз уж на то пошло.

* * *

Поедем в осенний лес все равно куда
пригородные коровы придут встречать электричку
черно-белые
кадр за кадром

поедем
игровые автоматы и старый Азнавурян
в баре на станции Сходня
дают совместный концерт

* * *

Благородная леди в серебряных letech
продает у метро шерстяные носки
растаманские шапки
латы для крестовых походов
слоганы по-латыни на щитах
возьмите индугенцию
курсы английского парикмахерская доставка пиццы
идите бейтесь со своими турникетами
здесь больше нет хороших стихотворений
они рассыпаются на ходу

* * *

Там в дверце шкафа блики листвы осколки леса
конь пасется на теннисном корте тенистом
что это крики детей со двора ли
семена одуванчиков
или других некультурных растений

Облезлый схематичный пионер
не может не питать энтузиазма
о вечно одинокий Питер Пэн
труби отбой труби конец сезона
и осыпайся не жалея краски
красной желтой голубой
не угнаться за тобой

* * *

Не тронутый именем образ
смотрит глазами прохожего
как мир закипая выходит из берегов

сквозь неприступную тупость
вдруг прорвется такая тоска городская
по живому огню и мертвой воде
что слова унесутся в поисках пищи
разбиваясь о рифы о рифмы

упустив добычу
вернутся просушивать сети метрических схем
чаек подслушивать на помойках
море в пустых бутылках

* * *

И дед совсем седой с ручной тележкой
Пройдет по направлению к Кремлю
Ища пустых бутылок вдоль моста
И вслед ему все загорятся звезды
И будут бить куранты в честь него

ЕЛЕНА ДРАЧЕВСКАЯ

* * *

Белыми монетами
Сыплет лунный свет.
Бессловесной полночи
Драгоценней нет.

Я тоску за грошики
Выкуплю у тьмы, –
Будет дочь хорошая
У седой Зимы.

* * *

В ночной тиши за печкой
Поет-поет сверчок.
А я сижу на крыше,
И легкий ветерок

Мне в волосы вплетает
Далекий дым костров.
Там мы с тобою были
Семь долгих вечеров...

* * *

Не дари мне поцелуи Лета –
Остывают быстро на ветру.
Не дари горящую Комету -
Все равно погаснет на лету.

Не дари пьянящую Свободу –
Без тебя она мне не мила!
Подари лишь Ключевую воду,
Чтоб душа пожаром не была!..

* * *

В хмурый осенний день
Застыть, пораженной
Картиной города
В оконной раме,

И прильнуть к стеклу,
Пытаясь разобрать
Торопливую вязь дождя
На старом карнизе.

ВАЛЕНТИНА КАНУХИНА

ЭТЮД

Горячий кофе поутру,
Пушистый кот урчит и вьется
В ногах,
 глаза – как два колодца,
И снег струится на ветру

За дверью, там, где тишина,
Где все застыло в странном танце,
И снежные протуберанцы
Не дотянулись до окна...

Застыл у края грозный ком,
Что вниз летел по скату крыши...
Вот так, не видя и не слыша,
Зима выходит босиком.

ПОЛУНОЧНОЕ

23.32. Я не знаю, к чему
Уходящие капли безумного дня.
Я мечтаю о том, как тебя обниму,
А пока – тишина обнимает меня.

23.37. Беспризорная грусть
Шаловливым котенком скребет по плечу.
Я открою окно и слегка улыбнусь
Фонарю – позабывшему солнцу лучу.

23.45. Осторожная боль
Студит кончики пальцев и бьется в висок.
Без пятнадцати завтра рассыплется соль
По ковру моей памяти – наискосок.

Полночь кожаным мячиком вкатится в дверь,
Беспристрастна ко всем и равна ко всему.
Для нее моя нежность – неведомый зверь,
Переплетами книг уходящий во тьму.

* * *

Я в зеркале твоём осталась музой.
Клянусь, что пышным празднеством отмечу
Свое несостоявшееся детство,
Утерянное ныне навсегда.

Воистину, единство непохожих
Свело нас на пространства перекрестке,
Связало нас той странной, крепкой связью,
Оставшейся загадкой для всех.

А в зеркале твоём осталась я...
С тех пор оно других не отражает
И в комнате, наполненной чужими,
Тоскует обо мне, совсем как ты.

* * *

Истерся билет мой, бродя по карманам,
Закончилась карта, молчит контролер.
На шее моей затянулся арканом
Сентябрьский вечер и руки простер.

Последними звездами сыплется лето,
Но голос все тише, а ночи нежней,
И странные звуки английских сонетов
Ложатся вослед утекающих дней...

Шагами часов догорает столица,
Сочится в решетки рассеянный свет,
И терпкая осень готова пролиться,
Украшив себя эполетами лет.

18.09.06

* * *

Любишь меня?
Люби, но не смей
Здесь обивать порог.
Это ведь я тебе – Водолей,
Ты же мне – Козерог.

За ролевой стороной земли
Ветхи твои полки.
Эти ведь я тебе – корабли,
Ты же мне – ни строки.

Радостным кажется только взгляд,
Тумблеры начеку.
Переворот, перегар, парад! –
Я в забытьи реку.

Спяны звенья моих обид,
Кончилась колея...
Если поймешь, что кто-то не спит, –
Знай: это буду я.

16–17.03.07

ЕКАТЕРИНА МАЛОВА

* * *

*Выше ноги от земли.
Я. Дягилева*

Погулять по полю чистому,
Бросить взгляд на небо синее,
Распуститься орхидеями
Посреди колосьев зреющих,
Распустить седые волосы,
Распахнуть глаза бездонные,
Распрямить спину сутулую,
Расстелить простынку белую,
Положить голову буйную
На колени свои хрупкие
И заснуть под птичье пение,
А проснуться рано утречком
И увидеть поле чистое,
И увидеть небо синее,
Распускаясь орхидеями
Посреди колосьев скошенных.

* * *

Теплая весна,
Мокрый белый снег,
Закрывай глаза,
Забывай про бред.

Выйди через дверь,
А войди в окно,
Хоть ты плачь, желей,
Дуйся – все одно.

Новые друзья –
В кружке крепкий чай.
Ну а где же я?
Нет? Ну не серчай...

Не смотри назад,
Не проси вернуть,
Память – как слеза,
Лишь рукой смахнуть.

Старая кровать,
Красный уголок,
Целый день плевать
В низкий потолок.

Теплая весна,
Серый редкий снег,
Спросят: «Где она?»
А ее здесь нет...

* * *

Гордость на полу рассыпав шквалом,
Молча ждать удобного момента,
С головой укрывшись одеялом,
Чтобы не рассыпаться от ветра.

Веру успокоив от истерик,
В кресле напоить горячим кофе,
Разругавшись с ревностью и целью,
Уничтожить тени гордый профиль.

Мудрость растворив в далеком звуке,
Бесконечность спрятав под рубаху,
Вместе выпив коньяка на кухне,
Попрощавшись, дверь закрыть за страхом.

Тело на полу рассыпав шквалом,
Тихо жду удобного момента,
С головой укрывшись одеялом,
Чтобы не рассыпаться от ветра.

ДМИТРИЙ НЕИЗВЕСТЕН

* * *

Ниже есть мое понимание
Ряда вещей и осознание
себя. Я надеюсь мои впечатления
(Они будут даны по мере их появления
Скорее всего без четкого разделения)
Конечно, не без преувеличения
Ясны и понятны всем
Как дважды два четыре
Как газ, свет и телефон в квартире
Есть идеальность систем
Спутанных проводов, затем
Стекла, железа, гранита
Дерева, пластмассы и арголита

Бетонные коробки–пчелиные соты
Загораются и гаснут огнями
Люди идут с работы
Они ограничены полями
Точнее словами
«нельзя», чужими глазами
Законами, мыслями и городами
Им незачем уезжать за пределы
Незачем разрывать канаты
Есть различные вакансии и подразделения
О мире подумают дипломаты.

Метро – это отдельная субстанция
С вонью, бомжами, регистрацией.
Очередями за билетами
Эскалаторными лентами
Частичками, точнее крохами
От пафоса советской эпохи
Заполненностью общественного места
Сто человек на метр, в общем тесте,
Пивными бутылками, ментами
Психами, переходами, мостами.

Снаружи разлетаются трассы
Хотя по сути это те же массы
Только высокого уровня материи
Нет, мы не результат потери
Просто случайно так вышло
Где-то не знаю, где
На небе или на земле
За различие мне кто угодно даст в дышло
Если я не прав пред вами
Кидайте в меня камни!

* * *

Не верю прогнозам погоды, словам и поступкам
Мне не интересны теории экзистенциализма.
Говорят, что я вхожу в какой-то процент алкоголизма
Бред. Не доверяю не знакомым словам и звукам.
Также я не был среди первых
Вершителей революций и утопий.
Но и не был в числе пародий,
Возможно, все дело в нервах,
Или может влияние природы?
Нет. Деревьев власть заменили бетонные своды.
Эх, есть бы виноград, пить вино до упаду,
Вдыхать всей грудью морскую прохладу,
Уехать бы куда-нибудь в Ялту.
Но липнет подошва к городскому асфальту.

ЛЕВ ОБОРИН

20 ВЕК PAST

Ты выйдешь на кухню и в чайник нальешь воды.
Потом обожжешься и схватишься за волдырь.
Ты будешь стоять с неподвижным лицом у окна.
По радио скажут, что началась война.
Ты выключишь плитку необожженной рукой.
По радио скажут, что снова мир и покой.
Ты сядешь за чайный столик, убьешь комара,
Посмотришь в окно на антенны и флюгера,
И чашка от крепкого чая станет черна.
По радио скажут, что началась война.
Ты ясно себе представишь глаза людей,
В которые входит свет непонятных огней,
И жизнь перед ними проносится в виде ином,
В значении главном, неявном и коренном:

О эти чудесные трудности и бега,
Смешные невзгоды и милая маета!
Молочные реки, кисельные берега,

Цианистый калий, синильная кислота.

2004

* * *

Время уже обгоняет меня.
Мимо кустов, запыленных с краю,
Ритма дыхания не храня,
Я с отставанием пробегаю.
Я начинаю теперь понимать:
Лучше оставить свои попытки,
Так как надежда его догнать
Напоминает надежду улитки.
Я останавливаюсь, дышу.
На беговую плюю дорожку.
И ничего не произношу,
Просто живу себе понемножку.

Слушаю и смотрю. Тишина,
Только колотят виски настырно.
Золото, серость, голубизна –
Небо застыло. И все застыло.
Заперты все замки на дверях.
Спрятались даже собаки в конуры.
Капли, созревшие на ветвях,
Сосредоточенны и понуры.
Сердце никак не уймется в груди –
Сразу не успокоишь, не вынешь.
Но и не нужно того – впереди
Время, похоже, пришло на финиш.
Быстро вокруг оглядеться, чтоб
Что-то еще увидеть – однако
Лишь чужеродное слово «стоп»
На середине дорожного знака.

2004

* * *

О.В.

На пространстве слов,
Которых я не сберег,
Потерявших кровь,
Размягченных в сырой творог,
Не нашедших кров,
Не обретших напор и власть –
На пространстве слов
Я уже не смогу пропасть.

И теперь не из книг
Возникают мои слова.
Словно польский язык,
Шелестит под ногами листва.
Поднимаешь вмиг
Говорящий кленовый лист –
Как ни мал золотник,
Дорог он, потому что речист.

И дыханье ровней,
И движенье – без запятой.
В рюкзаке не Рабле,
А какой-нибудь патер святой.
Но всего важней –
Это знаю наверняка, –
Что руки моей
Продолженье – твоя рука.

Языком чужим
Говорю я тебе слова.
Говори, пиши –
Все равно повисает провал.
Но все мягче нажим
Речевого карандаша.

Мы идем и шуршим.
Мы всегда ходили, шурша.

2005

* * *

Мы не храним почтенья к ним,
Играем ими ловко.
Мы «валерьянка» говорим,
«Зеленка», «марганцовка».
Для них жалею наших фраз,
Им сокращаем имя.
Хотя они спасают нас,
Мы фамильярны с ними.
Суспензии и порошки,
Таблетки и микстуры –
У них другие ярлыки
Другой номенклатуры.
Но нет нам проку в именах,
И мы в своей рутине
Не слышим, как они в шкафах
Тоскуют по латыни.

2006

* * *

Александр Сергеевич Пушкин
был внешне сложным немного,
но в меню режимов и функций
был сама простота.

Александр Сергеевич Пушкин
включался в режиме бога,
в режимах бунтовщика,
любовника и шута.

Александр Сергеевич Пушкин
был явлением необычным,
представлял собой новую планку,
возможно, даже этаж.

Александр Сергеевич Пушкин
обладал превосходным дизайном,
был на редкость компактен,
бил рекорды продаж.

Александр Сергеевич Пушкин
выносил жару и осадки,
его записная книжка
привлекала весь высший свет.

Александр Сергеевич Пушкин
работал без подзарядки
и держал батарею полной
тридцать семь с половиной лет!

2006

АННА ОРЛИЦКАЯ

* * *

Ты существуешь.
А я – иллюзия.
Я привиделась самой себе
в темноте коридора
в пустом зеркале
на дне кофейной чашки
Я – собственная тень в темной комнате
след смытый приливом
унесенная ветром тишина
радиоволна
Я прячусь в пробелах между словами
в складках собственной одежды
между гудков телефона
в твоих снах
которые ты видишь глубокой ночью
и никогда не запоминаешь

* * *

Мы поедем в какой-нибудь далекий город
куда на поезде сутки или даже дольше
будем лежать вдвоем на верхней плацкартной полке
ни о чем не думать
рано утром выйдем на пустой станции
будем бродить по мокрым негостеприимным улицам
ни Канаров вам ни Италии –
это будет наше свадебное путешествие
не как у всех
не как всегда
не как принято

* * *

Хочу чтобы тебя не было
чтобы ты оказался сном
сказкой выдумкой ночным кошмаром бредом галлюцинацией
чем угодно

Осознав это
я бы умерла
от безнадежности
зато
научилась бы ценить
иллюзии

* * *

Выдохни меня как дым сигареты
выпей как чашку крепкого кофе
прочитай как роман
как стихотворение
потрать как последние деньги
на что захочешь

ОКТЯБРЬ И ДРУГИЕ

Октябрь ушел.
не жди он не вернется
такие как он не возвращаются
придет неопытный март или женственный апрель
придет июль
(а может и не придет)
будет много февралей и несколько июней
десять лет подряд будет стоять сентябрь
с короткими перерывами на марты декабри и августы
от одной ночи до пары месяцев

но октябрь не вернется
не жди
вырви этот листок
из календаря

* * *

Когда не хватает тепла
можно сварить себе крепкого кофе
и греть руки
над медленно остывающей электроплитой

когда страшно не хватает тепла
можно зажечь свечу
и облить себя горячим воском
нарочно до боли до ожогов

когда катастрофически не хватает тепла
можно распечатать твои стихи
и прижиматься щекой
к еще горячим, только что вынутым из принтера страницам

Когда станет чересчур горячо
выйди на улицу
и попробуй найти себя
в этом огромном городе

* * *

Запиши меня бесконечной строкой
из нулей и единиц
убегающей за горизонт
опутай весь мир проводами
передай по высокоскоростному каналу связи
транслируй на весь мир

запиши меня как стихотворение
на языке программирования
перечитай три раза
сохрани на дискету
и спрячь

никому не показывай

* * *

накладные ногти случайной соседки в метро
разрисованы затейливо как пасхальные яйца
а мои джинсы исписаны черной ручкой
как книга отзывов и предложений
маленького провинциального дома-музея

* * *

Вырвать из дневника
исписанные страницы
скомкать собственное прошлое
начать все с чистого листа
под старой обложкой

* * *

твоя фотография
рассыпается в пепел
от одного прикосновения
горячих губ
к молчаливому глянцу

* * *

Господи научи меня забывать
отучи меня ненавидеть
покажи мне дорогу туда где нет этой безжалостной боли
отведи меня в бесконечность

подскажи мне нужные слова
укажи на карте нужную страну и город
где прожитые годы и пройденные километры
не будут ножом по сердцу
а будут просто строчками
в дневнике воспоминаний
в списке сбывшихся желаний

* * *

пытаюсь найти наиболее прочную нить
между одной и другой действительностью
я увидела тебя в коридорах ирреальности
стоящим в углу одиноко

в ужасе цепляюсь за эти ускользающие строки
может быть они
приведут меня к тебе
за руку

МАЙЯ РУЦКАЯ

АПРЕЛЬ

Апрель гепардовыми пятнами
Прошелся по ночному городу...
«Он мог бы быть поаккуратнее», –
Художник усмехнулся в бороду.

А утром горожане думали,
Что об асфальт Луна разбилась,
Спеша и прыгая меж лужами...

А это месяцу приснилось.

НА СТРАСТНОЙ

Накрапывало. Отражалась
В воде с земли вода небес.
И почему-то показалось,
Что ждут прохожие чудес...

Над головами их грачами
Кружили черные зонты,
Как кружит ночью ростовчанин
По тихим улочкам Москвы.

Все в мире будто посерело,
Все в мире словно ждет чудес,
Но скоро мир воспрянет смело
И выкрикнет: «Христос Воскрес!»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ю.Л.Т.

А вот и звезды тихо выпали
И заискрились на асфальте.
Моя знакомая рассыпала
Их попережку с тихим альтом.

Земля под паром. В Оренбурге
Уже соткали покрывало ей,
И, чтоб уснуть под пенье вьюги,
Недостает лишь очень малого...

МАРИЯ СВИДЗИНСКАЯ

* * *

острое перо
рвет послушный лист
покрывая льдом
теплую бумагу
выстроились в клин
буквы-буккеры
преданы душой
авторскому стягу
боевой призыв
злой герольд трубит
убивая все
нежности улики
полетят слова
вестники обид
резкие как боль
острые как пики
и пронзив ветра
вдруг настигнут цель
укротят порыв
охладят уют
и пробив в душе
чьей-то злую щель
горечью любви
по рукам стекут...

30.09.05

СЕМИНАР

...Смотрит в окно
Одиноким углом,
В дверце шкафа отражаясь,
Город Москва –
Облупившийся дом,
Небо собой заслоня...

...Здесь бродит Мысль
Меж стульев и столов,
Прищурив настороженное око,
Охапку смыслов –
Часовой улов
Раскладывает в стопки одиноко...

...Чай горячий в чашке стынет,
Черным глазом смотрит в вечность.
То нахлынет, то отхлынет
Чья-то супербезупречность...

...Гремят обрывки дерзких фраз,
Куски родившихся поэм,
И режут фразы душу враз
Грубостью, холодом и ненавистью
Ко всему живому, теплomu, дышащему...

...Потопталась Мысль у двери,
Оглядела не спеша:
«Да вы, люди, обалдели!»,
Повернулась и ушла...

...Вместе с ней улетела беспечность,
Теплота, глубина, дерзкий пыл,
И закрылась щель в эту вечность,
Да и чай уж час, как остыл...

Апрель 2005

ВИКТОРИЯ СЕРЕДА

* * *

Когда ты вспоминаешь о Востоке,
И карандаш запутался в строке,
Японским кленом, остролистым, пахнут строки,
Когда ты разомнешь его листок в руке.

* * *

И меркнут звезды. Веет ночью...
Куда ты гонишь облака, неугомонный ветер?
Какую правду знаешь ты,
Которую не знает
Вода, текущая из крана в эту ночь?
Мне кажется, не ветер воет меж домов,
А тяжело вздыхает наше время,
Просачиваясь сквозь закрытый кран.
Зачем пришло ты, горе,
И для чего так ласково горит
В соседнем доме
Последнее окно
златым цветком...

* * *

А я хочу кричать и буду!
Ну так и что, что не услышишь?
Я перебью твою посуду,
К чертям pošлю твоих подруг!

Я не обижусь на зануду,
И что полгода мне не пишешь.
Как тень ищу тебя повсюду,
Утратив смысл как-то вдруг.

* * *

Я желаю тебе снов.
Я не знаю – каких,
Я желаю, чтоб снились.
Петербургское небо прекрасней,
Чем небо Моне,
Цвета нежного сладкой ванили.

И все беды твои
С красным солнцем в канал
Пусть бросает усталая дева
Бледной медленной питерской ночи,

Что не длится во времени,
А танцуется
В мрачном пространстве
Линий душных асфальтовых улиц.

Я хочу, чтобы ты улыбалась
Так задумчиво, как улыбается кора,
Что с изяществом держит массу балкона,
Зависая навеки над темной водой.

И ты забываешь, что для тебя
Есть время, и есть пространство.
Снам Санкт-Петербурга не бывает числа,
И тебе теперь все время двадцать.

ЮЛИЯ СТАРОДУБЦЕВА

ПРОСТО ЛЕТО

Просто лето, много света,
Облака.
Птичьи вопли, дождик теплый
Иногда.
Одуванчик, возле дачи –
Ручеек.
И букашки, на ромашке –
Мотылек.
Яркий клевер, теплый ветер
В небесах.
Много света, просто лето,
Чудеса.

ЕКАТЕРИНА ЯШИНА

* * *

Все мы чьи-то дети:
Рабов или царей.
Сменяются столетья,
Бег жизни все стройней.

Вот новая эпоха
И свежих сил запал,
Но прошлая задача
И тот же материал.

И так же спорят люди,
Пытаясь все дойти
До нового приюта
По старому пути.

05.03.06

ПРОЗА

ТРИ С ПОЛТИНОЙ

Зимнее негреющее солнце в четыре часа дня скрывалось за домами – стандартной девятиэтажной застройкой вдоль одной из московских улиц, каких много. Вот-вот подходящий к концу день выдался солнечным и, что не характерно для зимы в этом месяце, теплым. Теплым, каким может быть зимний день – без яростных порывов ветра, ледящего воздуха, крохотными иглами покалывающего нос и щеки. Утром выпал снег и теперь хрустел под ногами прохожих. Скрип, хруст, коричневые следы. Справа от тротуара сквер, три собаководы независимо друг от друга ходят по нему кругами, ожидая, когда их питомцы нагуляются, сделают свои дела. Рядом дети играют в снежки.

По тротуару мимо афиш, на Таганке премьера – Антигона, шел молодой человек.

«Мастер и Маргарита», так и не сходили, так и не сводил. Знаменитая постановка Таганки.

Ему претило замечать радость на лицах других людей, людей, спешащих к своим семьям, радующихся жизни, прекрасному дню. Он не питал отвращения к зиме, не был мизантропом. Просто несколько недель назад его жизнь прервалась. Закончилась для него.

Он шел в бежевом пальто, расстегнутом, как вызов бронхиту, пневмонии или обыкновенной ангине, спрятав руки в карманы и опустив голову почти на грудь. Шел прямо по тротуару, и прятавшееся за домами солнце уже перестало освещать его ноги до коленей, еще немного, и он в тени уже по пояс, по плечи, и вот он ушел в тень с головой.

А вы, в Жигулях – подождете... или давите, какая уж теперь разница?

Светло-русые волосы перестали поблескивать на солнце, красивое лицо больше не оттенялось, но все-таки продолжало излучать природный шарм. Собственно, этого всего он тоже не заметил.

Он не переживал, что теперь уязвлена его гордость, его вечная честь победителя. Об этом заботился меньше всего.

Нет! Нет! Нет!

Отказ! И не один раз. Но мысли его были обращены не на нее, он не думал сейчас о ее волосах цвета шоколада или длинных тонких изящных пальцах. Он преобразался на глазах, внутренне. Слова сменяли друг друга, сплетая стройную нить речи. Богоугодная мольба. Первая, и такая унижительная. Так часто бывает: пока нам хорошо – Бога нет, но когда нам становится хуже, Бог начинает медленно появляться. Deus ex machina. Но далеко не всегда.

Писк светофора. Слепые. Они не могут видеть ее красоту. И лучше мне бы никогда ее не видеть. И после этого всего в мире с собой жить? Я сам на эшафот доставил и себя, и все свои мечты.

De profundis clamo ad te, Domine! Adonai Elohi! Ar-Rahman ur-Rahim! Молю тебя и на коленах умоляю, верни мне счастье мое, верни мне мою любимую. Я не смогу жить... Я не...

Яд... Полет... Быстро и незаметно.

Нет!

Умоляю тебя, Господи, если ты так всемогущ, то докажи, неужели неподвластно тебе то, что я прошу? Ведь ты милостив и добр! И ведь все в твоей власти. Помогите мне! Пусть она вернется ко мне, пусть у нее никогда никого не будет, кроме меня. Ведь все ты можешь! Дай мне знак...

Напротив красных ламп светофоров собрались машины. Под ногами дорожная слякоть – незамерзающая грязь, мерзость запустения. Совсем разные лица. Лица хозяев, сливающихся с лицами своих авто. Шмотки облагораживают человека. Лишь грязная мелочь звенит в кармане, он греет ее своими руками. Немного бумажек помятых, и справа голос невнятный:

– Братишк, помоги, а? – Алкаш! – А то я вот из больницы выписался, а мне они только на это вот, – он показал бело-красную карточку, – на троллейбус дали. На метро пятерку не подкинешь? А мне же на Речной вокзал. – Видок жалкий – не брит, допотопная «аляска», треники. Может, и вправду из больницы?

– А, да... конечно. – Как будто заспанный, голос пропадает еще в горле. Губы не шевелятся. Он не здесь. Он выудил из кармана какую-то мелочь, крупная монетка просочилась между пальцев. Рубли и полтина звякнули в худой и сухой руке. Три пятьдесят.

– Спасибо, братишк! – И небритый пошел в сторону метро, сразу обогнав юношу.

А тот поплелся вслед, не спеша – так же, как шел и до этого, – погруженный в собственные мысли.

Ох, черт бы меня побрал! Ведь это и есть знак! Хочешь помощи – помоги другому, а я, уродец, только три с полтиной ему накинул. А просил-то всего ничего – пятак. Ведь знак. Знак... знак? Алкаш – знак?... Хотя почему бы и нет... Я сейчас еще более жалок. Да и не похож он был как-то на пьяницу. А у меня же еще мелочи целый ворох. Отец, стой. Я вот тут еще мелочи нашел, на метро пригодится... Как дурак. Или уже поздно совсем. Мне был знак. Проверка. А теперь его и не догонишь – точно не забудыга, они так быстро не ходят.

Скрип-скрип-скрип под ногами. Снег западал легкими комками. Все быстрее перебирал шагами по асфальту и по снегу. Перестал обращаться к Богу и предался почти что бегу.

Слишком долго, он уже и забыл, что денег у меня стрелял. Посмотрит, как на идиота, – я ему денег решил предложить ни с того ни с сего. Папаша, может, тебе еще мелочь нужна? А я вот тут еще немного нашел мелочи... Отец, стой, а тебе сколько бред... А вдруг он в «Зебру»? Замялся.

Молодой человек сбавил темп. А небритый немного покрутился перед входом в супермаркет, но понял, что больше стрелять не у кого, и нырнул в двери. Целенаправленно через калитку, сквозь мясной, рыбный, молочный. Все ближе к цели. А цель одна – немножечко сивушного вина. Чуть не заметил.

Довольное лицо, и в руке коктейль Vodka-Lemon.

ЮЛИЯ БОРОВИКОВА

СЮР

1. Ассимиляция

Мы так давно были вместе, что я никогда бы уже не смогла сказать, с чего это все началось. Поэтому я предпочитала верить в то, что мы сразу родились такими: двадцатитрехлетними, с уже сложившимися представлениями о мире, с уже неразрешимыми проблемами и, конечно, вместе.

Казалось, не было уже ничего, что бы мы не знали друг о друге. Я, например, уже установила точное расстояние от твоего правого глаза до левого уха, от губ до плеча и от бровей до подбородка. Не удивлюсь, если ты тоже успел определить у меня подобные параметры. Мы сотни раз меняли свои привычки, подстраиваясь один под другого, ошибались, злились, меняли снова.

Казалось, мы составляли идеальный комплект, своеобразный пазл: хаотически разбросанные детали наших личностей складывались в общую, гармоничную картину, лишь когда мы были вместе.

Но, видимо, этого оказалось недостаточно, раз случилось ТАКОЕ...

Когда внутри у нас уже нечего было менять, мы начали изменяться снаружи. Какая-то невидимая рука смело удаляла с наших лиц и тел мельчайшие различия.

Твои короткие, черные волосы за несколько дней превратились в кудрявую, соломенного цвета копну, а мои голубые глаза – в два кофейных пятнышка. Все это было настолько забавно, что мы целыми днями искренне смеялись над такой остроумной шуткой кого-то, нам неизвестного. Но когда на твоей фигуре стали вырисовываться грудь и бедра, а мой 37-й размер ноги неожиданно вырос до 41-го, я забила тревогу. Ты успокоил меня так, как делал это прежде: обнял, прошептал в ухо, что это ничего не меняет, что так и должно быть. Я поверила. Но когда ты, случайно сломав ноготь, расплакался и пошел в ванную поправлять макияж, я поймала себя на тревожной мысли: «Боже, только не ПМС!»

2. Кровь и сгущенное молоко

Вот такая сюрреалистическая реальность этого утра. Открывала банку сгущенки, порезала палец. На столе кровь и сгущенное молоко. Неплохой сюжет для гениальной картины...

Решив смыть все это безобразие, я вошла в ванную и, к своему удивлению, встретила там самое прекрасное существо на Земле. Оно смотрело на

меня зелеными глазами, почти не моргая. Я не заметила, как залюбовалась. Оно улыбнулось мне так тепло и искренне, что я впервые почувствовала крылья за спиной. Легким, едва уловимым жестом оно коснулось волос. Я влюбилась. Это не было ни шоком, ни ударом, ни даже неожиданностью. Это было данностью, простой очевидностью того, что до этого я никого и никогда не любила.

Время полностью подчинилось нам, оно мягко и медленно заполняло небольшое пространство ванной комнаты, пока мирно не улеглось у наших ног. Мы же не замечали ничего вокруг, мы без остатка, до последней капли отдавали все, что могли выжать из наших зеленых глаз. И тут случилось непоправимое. Мне захотелось дотронуться до этого родного мне лица, но движение мое было слишком резким – зеркало разбилось – самое прекрасное существо на Земле разлетелось на мелкие кусочки. Я в ужасе склонилась над тем, что только что было воплощением моей мечты. На половинке зеленого глаза, лежащего теперь на полу, выступила одна-единственная слеза.

3. Сюр

– Ты хочешь, чтобы я ушла? Нет, ты только честно скажи. Хватит уже играть в интеллигентность!

Молчишь. Ок, я уйду, нет проблем. Только ты ведь сам знаешь, что ровно через 13 часов и двадцать семь минут ты поймешь, что не сможешь жить без меня, и позовешь обратно. И я вернусь. А что мне еще делать, если именно так и должно быть?!

Мы же навсегда вместе. Совсем навсегда. И никаких тебе «пока смерть не разлучит нас».

Вообще навсегда. Проверено. Сам вспомни, что было в предыдущих жизнях. Если даже брать только те, где мы уже были людьми. Кстати, ты стал человеком на две жизни раньше меня. Помнишь? Я до сих пор тебе завидую.

Ну, вспомни же, вспомни, мы всегда были рядом, хотя наши роли и перемешивались странным образом. Я дважды была твоей матерью, ты, к слову сказать, был замечательным сыном, а вот дочь из тебя вышла неважная: мы постоянно ссорились из-за всяких мелочей... А однажды ты спас мне жизнь, став моим донором... Снова не помнишь? Странно...

Несколько раз мы были обычной супружеской парой. Один раз у нас даже было пятеро детей. Ты, правда, изменял мне тогда направо и налево, но я на все закрывала глаза... Видимо, любила тебя тогда больше жизни. Да, кажется, это было именно в тот раз, хотя...

Потом наступила моя любимая жизнь, когда мы были двумя влюбленными, ставшими абсолютно одинаковыми. Ума не приложу, как это могло слу-

читься, но все-таки это было. И, к сожалению, больше никогда не будет. А однажды... Да-да, это было совсем недавно, ты стал моим отражением. Помнишь?

Нет?

А что ты смеешься? Ну да, мы, действительно, едва знакомы, но это ведь только в этой жизни, а значит, ничего не доказывает.

Знаешь, у тебя неплохо получается делать вид, что ты на самом деле ничего этого не помнишь. И твой удивленный взгляд прямо как настоящий. Только вот, к сожалению, кроме фразы: «О чем говорит эта сумасшедшая?» в твоих глазах притаилась еще и бездонная грусть. Я понимаю: невозможно чувствовать себя счастливым, когда наперед знаешь все, что должно произойти. Счастье и строгая определенность вещи несовместимые. Но как ни играй, все равно ты не сможешь этого забыть. Такой уж у нас с тобой, родной, переломный момент в жизни. Переходный возраст, если хочешь. Потерпи, скоро все кончится, ведь нам обещали, что только в этой жизни мы все будем видеть: и прошлое, и будущее. А потом опять все будет хорошо... Ну или, по крайней мере, неожиданно.

А ты отличный актер, оказывается, а я и не знала. Так и быть, я подыграю тебе.

Так вот. Ну да, мы едва знакомы. Вчера встретились, сегодня проснулись вместе. С кем не бывает? Не уверена даже, что ты помнишь мое имя... Да это и неважно.

Я сейчас уйду, а знаешь, что будет потом?

– Через 13 часов и 19 минут я, как ты говоришь, пойму, что не смогу без тебя жить, и позову тебя обратно.

– Верно. Видишь, ты даже заговорил со мной. У тебя в этой жизни очень приятный голос. Жаль, что мне недолго придется его слышать. Опять я отвлеклась... На чем я закончила?

– На том, что я позову тебя обратно, а ты вернешься...

– Ах, да. Но вскоре я опять уйду, а потом снова вернусь. Так мы и не сможем с тобой создать ничего стабильного. Ты будешь мучить меня до тех пор, пока не женишься на моей лучшей подруге. Всем будет хорошо. Спокойно. Я стану другом вашей молодой благополучной семьи, а потом и крестной вашим прелестным дочкам-двойняшкам. Сама я не смогу иметь детей. Это я узнаю через три года, после вашей свадьбы, а страдать буду всю жизнь. Зато я всем сердцем полюблю твоих дочек, а позднее и их детей... А умрем мы с тобой в один день, потому что совершенно случайно окажемся пассажирами одного самолета. И неважно, что я полечу на отдых, а ты по делам, все равно наш самолет собьется с курса и упадет в горах. Никто из пассажиров и экипажа не выживет.

Что-то ты совсем загрустил. Не стоит. Согласна, не самый радужный прогноз... Но взгляни на нашу следующую жизнь. Мы будем одинаково нужны друг другу, а это случается раз в сто лет, если не реже.

Опять мы встретимся как-то нелепо. Ты будешь на грани отчаяния, и я спасу тебя.

Окажется, что у тебя никогда не было настоящих друзей.

Я с радостью возьму на себя эту роль: буду ходить с тобой по барам, пить пиво и обсуждать футбол.

Потом выяснится, что у тебя никогда не было младшей сестры.

И это мне будет по плечу: ленточки, косички, шоколадные конфеты и мягкие игрушки станут неотъемлемыми атрибутами моего мира.

Но вдруг я замечу, что и о старшей сестре ты тоже всегда мечтал.

Я примерю на себя и эту роль: стану мудрым советчиком и хранителем твоих сокровенных тайн.

К моему удивлению, в твоём прошлом не окажется ни домашних животных, ни первой любви, ни стюардесс, ни зубных врачей.

Я восполню все эти пробелы...

А в моей жизни будет все: и любящие родители, и толпа поклонников, и головокружительные романы, и собака, и кошки, и даже морская свинка.

В моей жизни будет все. Но все до последнего штриха придуманное. Я даже саму себя придумаю, нарисую, раскрашу в любимые тона. Во мне не будет ничего настоящего. Я смогу только заполнять твою жизнь все новыми и новыми образами. Я смогу дарить счастье только тебе. Так, ты станешь моим призванием.

Ну вот, я, кажется, все сказала. А теперь я пойду. До встречи. Да, чуть не забыла... Может, приготовишь что-нибудь к моему приходу? Представляешь, за все свои жизни так и не научилась хорошо готовить! Глупо как-то... Ладно. Пока.

СВЕТЛАНА ВОРОНЦОВА-ПАВЛОВА

КАЖЕТСЯ, ЗАБОЛЕВАЮ

Под изрядно помятой простыней угадывался рельеф компактно свернувшегося тела. Душная майская ночь обернулась зябким утром, проникавшим в комнату из настёж распаханного окна. В ногах скрытого тканью человека однородным клубком шерсти мерз черный кот. На улице что-то гроыхнуло, и клубок моментально отреагировал двумя настороженными остроконечными ушами. Черная мохнатая ночь обнаружила два желтых полнолуния. Кот, разинув глаза, долго прислушивался к уже установившейся тишине, затем жадно зевнул, словно пытаясь проглотить весь воздух утра, встал, повернулся мордой к стене и принял исходную форму. Рельеф под простыней слегка зашевелился, но это шевеление продолжалось лишь пару секунд.

Секундная же стрелка торопливо заканчивала кросс по циферблату. Минутная была готова перенять эстафету у стилизованной под два кусочка сыра цифры «12». В условленное время раздался щелчок, и все пространство комнаты наполнила лицемерной жизнерадостностью механическая песнь будильника. Он гордо возвышался на пустынной поверхности прикроватной тумбы.

Под видавшей виды простыней определенно зародилась жизнь. После невразумительных шевелений на божий свет показалась расслабленного вида рука и начала ощупывать воздух в поисках раздражителя. Наконец упорный палец опустился на кнопку отключения сигнала подъема. Вслед за рукой из-под простыни высунулась взлохмаченная рыжая шевелюра, служившая естественным украшением веснушчатой сонной физиономии. И вот ее обладатель уже наполовину освободился от густой дремы и укрывавшей его тонкой материи и, поеживаясь, сидел в кровати.

Юноша Лева усилием воли открыл глаза и тут же захлопнул их под влиянием резкого солнца. «Пересвет, – простонал он, – прикрыть диафрагму!» Лева закрыл глаза ладонями и стал медленно раздвигать пальцы, позволяя свету постепенно проникать внутрь зрачка. Наконец он опустил руки. Зрачок стал размером с точечку. Лева довольно ухмыльнулся: «Экспозиция выставлена, теперь разберемся с резкостью...» Он, не глядя, пошарил рукой по поверхности тумбочки, но его кисть наткнулась только на ненавистный измеритель времени. На Левином лице изобразилась удрученная гримаса. Он свесился с кровати и зашуршал под ней. Среди клубов пыли и каких-то скомканных бумажек пальцы нащупали искомые очки: конечно, их Лева умудрился во сне смахнуть рукой на пол.

Юноша победоносно выпрямился и водрузил чудо оптики на вздернутый к небу нос. «Изображение сфокусировано!» – провозгласил он. Все еще подрагивающий от утренней прохлады, Лева не спешил встать с постели. Он обхватил озябший корпус обеими руками и гипнотически уставился на открытое окно.

«Вертикальный кадр – нонсенс!» – пробормотал Лева, разглядывая оконную раму. Он наклонил голову вбок. Наклонилось окно, а вместе с ним и все содержимое «кадра»: попадали набок дома и деревья, Лева сразу стало как-то печально. «Вот те раз – прям как после бомбежки или какого еще апокалипсиса. Уж пусть лучше вертикальный», – юноша придал шее привычное положение относительно туловища, но все равно на лице его читалось неудовлетворение. Он почесал макушку, потянулся и доложил сам себе сквозь зевок: «Скучно как-то: типичнейший дальний план спального района. Даже ракурс менять без толку – вокруг на 360 градусов – один пейзаж. Вот если б на передний план чего-нибудь...» Неожиданно на наружный подоконник Левиного кадра-окна приземлился неумытого вида голубь. Он с металлическим цокотом походил туда-сюда, остановился и с искренним удивлением уставился на Леву правым глазом.

Юноша от души рассмеялся, спугнув и птицу, и уютно дремавшего до сих пор кота. Голубь спешно удалился с переднего плана в глубь блочной роши на фоне голубовато-белесого неба. Кот стоял на полу, манерно повернувшись к Лева хвостом, и возмущенно мяукал.

«Да брось ты...» – улыбнулся Лева и зевнул. Где-то в другом конце квартиры электронной трелью зазвонил телефон. Кот побежал туда, откуда доносился звук, будто хотел ответить. Лева опустил ноги на пол, отбросив несчастную простыню комком в угол кровати. «Сцена побудки. Дубль два», – произнес он. При этом он энергично моргнул и прищелкнул зубами, изображая киношную хлопущую. Он окончательно принял вертикальное положение и побрел прочь от снотворного ложа.

Спустя несколько секунд он уже стоял на кухне и поднимал трубку неуникающегося аппарата. «Да, мама. Я уже проснулся. Не скучай», – проговорил Левин силуэт на фоне яркого кухонного окна. «Проснулся и готов к съемке... то есть к бою... то есть к жизни, конечно», – сказал Лева уже самому себе. Он обернулся на звук капающей воды в раковине. «Кран...» – бессмысленно произнес Лева, и в голове у него произвольно возник образ операторского крана. «Кажется, заболела...» – глубокомысленно произнес юноша, побарабанил пальцами по опущенной телефонной трубке, пару раз подпрыгнул на месте и, мурлыча под нос веселую песенку, заторопился по коридору к себе в комнату.

У входной двери на коврике примостился черный Левин зверь. Он занимался утренними водными процедурами. До умывающегося кошачьего уха из

комнаты доносились пение и звуки одевания. Наконец покой кота был снова потревожен парой материализовавшихся в коридоре ног. Лева наспех обулся и выбежал из квартиры.

Он очень не хотел опаздывать, что подтверждал энергичный топот на лестнице.

Кот закончил умывание и, покачивая роскошным хвостом, как мушкетер пером на шляпе, устремился в комнату. В коридоре остался в спешке оброненный на пол раскрытый студенческий билет: «Лев Чижиков, 1 курс, кинооператорский факультет, ВГИК».

ВАЛЕНТИНА ЗОБНИНА

ПОРТРЕТ

– Не знаю... – рука мягко описывает круг. – Но что же это я не предлагаю вам ничего? Вот, возьмите. – Руки мягко взлетают, подхватывают берестяную корзинку и, описав полукруг и приблизившись к нам, легко замирают в воздухе.

– Берите!

– Спасибо, но нам уже пора: время не ждет. – И несколько рук засуетилось, запрыгало по столу. Зазвенели ложки об иссиня-белый фарфор чашек.

– Что ж... – Руки скользнули по корзинке и, коснувшись стола, снова взмыли в воздух, описывая воздушные полукруги.

И закружились: зеленые глаза, темно-русые волосы и мягко округлые губы. К губам подлетела рука: мягкая, воздушная и упоительно женственная.

Смушение слегка коснулось губ.

Глаза, зеленые, глубокие, улынулись, не позволяя ему завладеть их свободой. Мягкие губы слегка растянулись в улыбке, спеша на помощь к глазам:

– Нет, вы все-таки поешьте, а уже потом... – Рука мягко склоняется к столу, а глаза упрямо говорят обратное.

– Ведь у вас нет времени: работа. Мы же понимаем. – Последний звон ложек о гладь фарфора замер в воздухе.

– Ну что вы, останьтесь, – говорит рот, а глаза смущенно улыбаются. И получается: глаза говорят одно, губы – другое, а мягко скользящие по глади воздуха руки – третье. Все смешивается в удивительном танце: таинственном в гармонии противоположных и взаимоисключающих жестов.

Внезапно другие руки врываются в танец, затеявая беготню вместе с ногами: носки, ботинки, шапки, пальто – все закружилось в маленькой прихожей.

– Приходите еще! – снова таинственный танец дисгармонии жестов.

А дверь мягко закрывается, описав правильный полукруг.

* * *

Душный вагон метро, подземные толчки, потолок из рук, чей-то до боли родной голос, пальто... Мама! Вагон резко наклоняется в сторону, слышатся новые голоса и сдавленное сопение, за которым исчезает и пальто. Постоянное торопливое открывание и захлопывание дверей, мяуканье кошек (а может, это голоса людей?) и темный подмигивающий свет. Толпы глаз, любопытных, цепляющих и осуждающих, расспрашивающих и угрюмо молчащих.

Вагон снова резко наклоняется, слышатся ругань и напряженное молчание поезда. Двери распахиваются, чьи-то руки, сумки и голоса подхватыва-

ют, увлекают в свой поток и несут по переходам, лестницам, эскалаторам и снова лестницам. Наконец двери разрываются, свежий воздух радостно подает руку, суматоха и гам, обессилен, тают в непрерывном журчании машин. Снова – лужи и ручьи, озорные капли с крыш и – смеющаяся голубизна неба. Вскоре, правда, вновь скрывающаяся за стенами старого особняка.

– Все на месте? Все?! Все? Я спрашиваю! – громогласный рев разрывает стены старого здания. – Иванов?! ИВАНОВ!!!

– Я! – слышится затерявшийся звонкий голос.

Процессия тут же вздувается и, несколько насупившись, продолжает беспорядочное шествие.

* * *

Сквозь мерно цокающую тишину прорывается голос пожилой женщины: «...известный... родился... настоящее произведение искусства...»

Картины? А что в них интересного?

Сознание, убаюканное мягко качающимися словами, постепенно все больше и больше утопает во внутреннем диалоге, споре...

* * *

Маленький-маленький бутончик на горбатой ножке. Вот-вот раскроется. Каким он будет? Желтым, белым или синим? А рядом – потерявшаяся букашка. Ползет на солнышко. Наверное, ей холодно... Сейчас я ей помогу! Вот, еще чуть-чуть...

– КУДА!? Куда руки суешь?! Руки!!! Я кому говорю! Ты сюда на картины смотреть или за тараканами гоняться пришел?

Высокий повизгивающий голос внезапно нарушает прохладную тишину. Поток звуков, упрямых и пронзительных, превращается в реку. Бурлящая и гогочущая, она ударяется о невидимые стены сознания. Все глубже и глубже утопают звуки, теряя свои очертания и смысл.

Внезапно чья-то сухая и суровая ладонь грубо одернула руку, вырвала сознание из беспорядочной реки звуков.

Недовольное ворчание накрывает волной зал и белыми барашками рассыпается по углам.

Картина?! Да что такое! Если кто-то называет это так мудроно – «произведение искусства», неужели это значит, что все должны на него смотреть?! И зачем смотреть на нарисованные цветы, если рядом – живые?

Неровная мысль бурлит, но приходится подчиниться, уставив глаза в стену.

Вскоре процессия все более и более замедляется и, лениво переговариваясь, утихает. Вновь распахиваются двери. Свежий воздух, небо и песни капели врываются в мир старой, пропахшей стенами, тишины.

Какая красивая кирпичная стена! Но почему никто не называет ее «произведением искусства»? Ее, созданную трудом многих людей, вложивших в нее душу? Если кто-нибудь из ученых назовет ее этим умным словосочетанием, неужели все тоже начнут слепо вздыхать, шептаться и тяжело пыхтеть, долго простаивая перед этой стеной?...

Жаль, что никто не заметил тот цветочек...

ОКСАНА ИВАНЧЕНКО

КРАЙ МИРА

Поезд остановился. Она посмотрела в окно, поблизости не было видно платформы. «Неважно...» – подумала она и решила выйти из душного вагона, подышать свежим воздухом. В тамбуре были открыты обе двери, но ни у одной из них не было приставлено лестницы.

– Мы долго будем здесь стоять? – с надеждой в голосе спросила она у проводницы, хотя, казалось бы, уже знала ответ.

– Не знаю, – ответила та, вопреки ожиданиям. – Здесь вообще не должно быть остановки. Наверное, мы кого-то пропускаем.

Пообещав проводнице, что будет крепко держаться, на случай, если поезд поедет, она высунулась в открытую дверь. Первым в глаза бросился лес. Он был повсюду... Густой, темный и непроглядный, несмотря на необычно яркое вечернее солнце. Лишь рядом с поездом была небольшая поляна и старый деревянный дом. Она посмотрела вдаль... Бесконечный поезд и холм, сплошь покрытый лесом... Сплошная стена елей и сосен. «Забор», – подумала она. Прошла к противоположной двери... Лес... И еще одни уходящие в бесконечность рельсы.

– Что-то долго... Опаздываем... Почему стоим? Кого-то пропускаем... Кого так долго? – бормотала недовольная проводница.

Девушка подумала, не вернуться ли ей в свое купе, но вспомнила, как там душно и тихо... Почти всех сморила жара. «Спящий, безжизненный вагон. Нет. Не хочу я туда». Она вернулась к двери. Мимо поезда шли люди, мужчина и женщина с кучей сумок. Они остановились неподалеку от вагона, в котором ехала девушка. Они о чем-то переговаривались, но она не слышала о чем. «Наверное, им надо на другую сторону. Ждут, когда поезд уедет».

«А забавно... Я вижу рядом нормальную землю, траву, деревья... Много деревьев... И не могу до этого всего дотронуться. Потому что поезд может поехать в любой момент. А может и не поехать... Вот я и стою на пороге. Между двумя мирами... Порог двух миров...»

Сумасшедшая мысль: «Вот так, наверное, и выглядит край мира! Забор из деревьев, словно говорящий: «Зачем тебе видеть, что там? Ты и так знаешь... Край. Просто боишься поверить. Не верь». Край мира... Бесконечный поезд, остановившийся здесь, в бескрайнем лесу. А эти люди не отходят, жмутся к вагону, к людям... Они боятся. Они – единственная жизнь здесь... И спящие вагоны. И рассерженная проводница. И я... Время остановилось, точнее, здесь просто нет времени...»

Девушка отогнала эти мысли прочь. По крайней мере, она попыталась это сделать. «А куда я еду? Кемь... Да, этот город называется Кемь... И что? Я знаю только то, что это где-то далеко, на севере...»

Но тут поезд тронулся, проводница закрыла двери. И она снова оказалась в этом мире... В вагоне, где никто не знал о крае мира. Им просто было все равно...

СКАЗКА

Она всегда любила сказки. Когда ей их рассказывали, она слушала очень внимательно, не перебивала, старалась запомнить каждое слово. Она-то сразу поняла, что именно в сказках даются подробные указания, как жить дальше. И только из них можно узнать правду.

Поэтому она предпочитала не ссориться со стариками, на случай если те окажутся волшебниками. А еще она знала, что если станет совсем плохо, можно продать душу черту. Нет, конечно, рано или поздно может и волшебник попасться, а то и вовсе волшебная палочка или лампа с джинном, но пока этого всего дождешься! Да и просто так мало что бывает. Вот если честный обмен, душу за услугу... Это уже гораздо реальнее. Но только душу можно продать один раз. Поэтому надо, чтобы оно того стоило.

Техническая сторона вопроса ее не интересовала совсем, она просто знала, что если вознамерится продать душу, черт обязательно найдется. И ведь насколько легче было жить, имея запасной вариант!

В первый раз она подумала о продаже души, когда влюбилась. Да. Вот так все банально. Ведь вроде за любовь эту полагается пожертвовать всем... Но она все-таки очень хорошо помнила сказки и понимала, что любовь далеко не вечна и далеко не всегда приносит то счастье, которое ей приписывают, и, как правило, не подвластна каким-либо чарам. Да и кто его знает, какие ужасы таит в себе фраза «они жили долго и счастливо»...

Потом она вспоминала свой запасной вариант, когда поступала в институт. Но решила, что поступить-то она поступит, но где гарантия, что ее не выгонят после первой же сессии? Слишком просто... Да и почему бы не попробовать самой? Вроде в этом нет ничего нереального...

Мысль возникала много раз, но почти никогда – всерьез. В конце концов, стоило всего лишь подумать и решить, что оно того не стоит, и проблема отпала сама собой. Раз это не стоит продажи души, так, значит, вполне можно справиться самой. А иногда цель было интереснее достигать, чем достигнуть...

Заветные мечты у нее, конечно, были... Но очень уж она сомневалась, что дьявол их исполнит. Да и к чему торопиться? Вот если вдруг станет совсем плохо...

Она действовала на нервы. Много лет. Продам душу, продам душу! А как только черт собирался навестить ее, она успевала передумать. Да причем так твердо, что никакими кознями и дьявольскими искушениями-сомнениями ее не переубедишь! Причем это был такой удобный вариант! Она совершенно искренне верила в существование черта и возможности продажи души. Идеальный клиент! Не пришлось бы долго являться в снах и убеждать в своем существовании, чтобы заключить сделку! Но она умная, стерва...

Черт решил, что заполучить ее душу – дело чести. И однажды, устроив ей серию пакостей, отправился к ней со светским визитом.

Она сидела в кресле съежившись и обхватив голову руками. Ей было грустно и пусто. Уже несколько дней. И это было хуже всего, что она пережила. Краски окружающего мира поблекли, люди казались одинаковыми, скучными и слишком взрослыми. И она сама начала становиться такой... Зачем так жить? И можно ли по-другому? Вот в чем вопрос.

Может быть это и есть тот момент? Когда станет совсем плохо?

И тут раздалось деликатное покашливание. Она подняла голову и увидела... Да-да, того самого черта. Она совершенно не удивилась. И сразу отметила, что черт был просто очарователен! Как, впрочем, ему и положено.

– Здравствуйте, леди! Разрешите представиться, я – черт. – он поклонился.

– Здравствуйте-здоровствуйте, уважаемый черт! Я весьма польщена вашим визитом! – Она сама не поняла, почему так развеселилась, но появление черта ее действительно обрадовало. – Вы присаживайтесь! Чаю? Кофе? Что-то покрепче?

– Да нет, спасибо... – Черт был несколько удивлен таким поведением. Впрочем, кто их поймет, этих женщин! Рефлекс хозяйки, наверное, сработал...

– Ну что вы! Не скромничайте! Давайте я приготовлю чай! У меня даже тортик есть.

– Я, собственно, хотел побеседовать...

– Конечно-конечно! Вот приготовлю чай и побеседуем.

Черт понял, что лучше не спорить. Желание клиента – закон, так ведь? Она побежала на кухню. Так-так. Черт, говорите? За душой, наверное, явился! Неужели и правда пора?

Она с удивлением обнаружила, что душу ей больше продавать не хочется. Да и никогда не хотелось, пожалуй. Но она помнила, что, несмотря на всю очаровательность и кажущуюся безобидность, черти существа опасные. Так что на всякий случай надо его сбить с толку и создать максимально нерабочую обстановку. Притвориться дурочкой, чтобы показаться легкой добычей...

Чай был вкусным. Торт тоже. У черта возникла мимолетная мысль: «А ведь никто раньше не угощал меня чаем! Да тем более с тортом...» Но он побыстрее прогнал эту мысль прочь. Дело прежде всего.

– Как поживаете? – поинтересовался черт.

– Ужасно, – сказала она абсолютно равнодушно.

– А что случилось? – спросил черт с неподдельным сочувствием в голосе. – Пропало желание жить? Мир жесток и равнодушен? И самое ужасное, что это правда. И вы всегда жили иллюзией... Бессмысленность, скука, пустота... Это действительно проблема, с которой никак не справиться. Разве что вновь вооружиться розовыми очками и с ужасом ждать очередного столкновения с жестокой реальностью. Не слишком радостная перспектива, да? – Черт и сам понимал, что страшно торопит события, но уж очень ему не терпелось наконец-то расправиться с этой наглой девчонкой.

– И что же ты мне предлагаешь? Конкретно? – А ей действительно было интересно, что предлагают в таких ситуациях.

– Все что угодно! Денег, власти, удовольствий? – Черт скривился, произнося избитую формулу. Что самое удивительное – в большинстве случаев она работала. – Вижу-вижу, что не нужно. Может быть, какой-нибудь необычный талант? Хочешь, например, научиться летать? Читать мысли? Ходить сквозь стены? Клады видеть?

Сразу было видно – черт опытный. Не растерялся в нестандартной ситуации, нашел что предложить. И не все козыри сразу выложил, тоже понятно.

– А как насчет настоящего чуда? – Ей становилось все интереснее, что же он предложит дальше.

– Например? – Черт был сама невозмутимость. Все-таки врут, когда говорят, что один черт поймет этих женщин. Ни один, ни другой, ни третий и вообще ни один из известных чертей этих женщин не понимает.

– Не дешевые фокусы вроде хождений сквозь стены. И даже не все перечисленные способности сразу. Это же так, частности... А мне нужно что-нибудь глобальное и настоящее. Знание какое-нибудь, что ли... – Вообще-то она сама очень слабо представляла, что же такое настоящее чудо, а тем более как это сформулировать, еще и не оставив какой-нибудь лазейки хитрому черту.

– М-м-м... – черт замаялся и отхлебнул еще чаю. Да, случай сложный, придется думать. – Сейчас я обдумываю варианты, – сказал он, дабы заполнить неловкую паузу, не переставая лучезарно улыбаться.

А она смотрела на улыбающегося черта, все-таки заметно теряющего самообладание, и умилялась. В конце концов ей стало жаль мучить такое прелестное создание, и она решила прекратить игру.

– Ладно, не надо ничего.

– То есть как?! – черт чуть не подавился чаем. Она опять взялась за свое?!

– Ты ведь уже исполнил мое главное желание. То, что ты есть и ты пришел – уже самое настоящее чудо, разве не так? И я теперь знаю, что не зря я все-таки верю в сказки.

– Ай, ангел тебя побори!!! – Черт схватился за рогатую голову. – Прощаю!!! А душу постфактум не продают...

– Да ты успокойся, все хорошо! – Ей стало еще больше жаль «прелестное создание».

– Ничего себе хорошо! – воскликнул черт, вытаращив глаза и скривив морду. – Сколько трудов! Сколько стараний! Удобный клиент! Верняк! – Черт явно собирался разрыдаться.

– Да неужели единственная душа на всем белом свете? Да что ты, других дураков не найдешь, что ли? – Она поняла, что совершенно не представляет себе, как можно утешить черта. – И вообще то, что легко дается, легко теряется, – правильно, в крайнем случае, всегда можно прибегнуть к «народной мудрости». – А ко мне зато можно в гости приходиться просто так. А я еще булочки и печенье делать умею! Или ты, может, кровь некрещеных младенцев любишь? – вдруг озабоченно спросила она.

– Тыфу-ты! Ну что за пошлость? – Черт даже сокрушаться перестал от возмущения. – Я тут вам не вампир какой-нибудь третьесортный. Булочки я люблю. Особенно с корицей. И кефир люблю. А еще всякое огненное... – черт многозначительно покосился на буфет с бутылками.

– Ага. Если чай, то с коньяком, да? – Она подмигнула черту.

– Схватываешь на лету!

– Слушай, а глинтвейн любишь?

– Люблю. Правда, пью очень редко. У нас, знаешь ли, в Аду чистый продукт любят. Да и у вас тоже. По крайней мере, видеть меня способны в основном после водки. Чтобы после глинтвейна – не припоминаю...

– Ну вот и отлично! Значит, будем пить глинтвейн, и никто лишней тебя не увидит. Ты заходи, не стесняйся. – Она очень боялась, что сейчас черт снова вспомнит о своих бедах, обидится на нее и тут же возмущенно исчезнет.

А черт только-только понял, что уже давно надо было удивиться. Во-первых, он, заслуженный и опытный черт, только что провалил дело чести – и что самое позорное – чуть не разрыдался на глазах у объекта. Через две минуты он уже успокоился, полностью на это забил и стал увлеченно обсуждать кулинарные предпочтения. С человеком, только что бывшим объектом. Ситуация окончательно перестала напоминать рабочую... А во-вторых, ни один человек в здравом уме и трезвой памяти, да и в нетрезвой, по правде говоря, не просил заходить почаще и не обещал кормить булочками,

печеньем и глинтвейном. Интересно, а как к таким визитам отнесется начальство?.. Хотя, с другой стороны, почему бы и нет. Чего плохого в частных визитах? А надо оно ему? Ой, подумаешь, печенье! А то он сам наворовать где-нибудь не может.

Хотя спокойно попить чаю без толпы вечнозеленых, вечно пьяных тоже хорошо.

А, была не была! В конце концов, чем он рискует? «И вообще, я – черт, мне все можно!» – подумал он.

– А вот и зайду! – сказал черт, ехидно оскалившись. Вдруг она еще передумает?

– Вот и прекрасно!!!

– Хорошо. А теперь прошу извинить – дела! До встречи, – черт галантно поклонился и исчез.

С тех пор он регулярно заходил в гости, пил чай и глинтвейн и рассказывал случаи из жизни, чаще всего связанные с работой. А она теперь окончательно знала, что совсем плохо никогда не будет. И душу продавать вовсе не обязательно. Черт и так придет, когда понадобится.

ИРИНА КРИВЕНКОВА

ТВОЙ УЧИТЕЛЬ

Кто хоть раз в жизни ходил в школу, тот уже знает, что такое учитель.

Во-первых, это тот, кто твердым, как камень, голосом диктует Правила. Тот, кого все время надо слушаться. Разумеется, ни Правила, ни необходимость слушаться какой-то страхолюдины тебя совершенно не устраивают. Зато, если набраться смелости и сделать учителю гадость – значит, сразу и не послушаться, и нарушить Первое Правило («Веди себя хорошо!»). Главное, напакостить так, чтобы случайно не навлечь гнев этого Зевса-Громовержца на себя.

Во-вторых, учитель – это тот, кто в течение сорока минут маячит у тебя перед глазами. А если ты сидишь на первой парте, то успеваешь рассмотреть каждую штопку на его рукавах и каждую морщинку на его лице. Да что морщины – если он на кого-то орет (а делает это он всегда долго, чтобы самому понять, что говорит), ты и зубы у него во рту пересчитать успеваешь.

В-третьих, это тот, кто любит тебя подавлять. Сидишь ты за партой, никого не трогаешь, а он возвышается над тобой, как лев над мышью, и орет. Стоит и орет, стоит и орет. И как ему еще не надоело? Ты уже успел превратиться в букашку, а он все орет. И даже если прозвенел звонок и ты уже хочешь смыться из класса, он продолжает орать. Знает ведь, что перемена, и все равно продолжает тебя терзать, потому что ему нравится, когда на него смотрят испуганными глазами.

В-четвертых, учителя ни в коем случае нельзя злить. Если он разозлится, то не успокоится и за день. Ладно еще, мелом начнет кидаться или указкой по голове стукнет – так ведь может и замечание в дневник написать. Жирными красными чернилами, чтобы заметнее было, чтобы запись четким рельефом отпечаталась на другой странице. Ни соскоблить, ни замазать. А в самом худшем случае – двойку в четверти вlepит заранее, а чтобы ее оправдать, валить тебя на уроках начнет. Ты робко скажешь слово в свое оправдание – а он вставит два. Два своих, увесистых, чтобы ты как следует прочувствовал всю учительскую силу. Чтобы превратился на этот раз не в букашку, а в микроба, которого топтать может кто хочет. Да что – топтать микробов нужно и полезно для здоровья!

В-пятых, он всегда уверен, что его предмет самый главный из всех. Поэтому и задает на дом выше крыши, да еще и приговаривает: «Умри – но сделай!» Раз в жизни ты хочешь стать примерным-примерным и сделать все домашнее задание, причем аккуратно и на «отлично». Делаешь, делаешь... Уже и обо всех прочих делах забыл, а все делаешь... Не обедал, не ужинал –

а делаешь... Ночь наступила, и ты, наконец, делаешь умный вывод, который требовалось сделать двумя часами раньше. Который гласит, что все уроки успеваешь делать дома – физически невозможно. Когда вывод сделан, ты с чистой совестью все бросаешь и ложишься спать, понимая, что не сделать половину задания в надежде, что спросят на уроке не тебя – естественная защитная реакция организма от перегрузок.

В-шестых, ни один учитель этого не поймет. В школе они занимались точно так же, как ты сейчас, но все равно убеждены, что человека можно посадить за уроки, чтобы он учился, учился и еще раз учился. Разумеется, каждый раз они разочаровываются в своих учениках, из-за чего ходят злые, как волки. И не надоело им наступать на одни и те же грабли?

В-седьмых, учителю ни в коем случае нельзя задавать глупых вопросов. Во-первых, он не ответит, во-вторых, разозлится и примется задавать еще более глупые вопросы тебе, и ты станешь получать двойку за двойкой, потому что не будешь знать, как на них ответить. На всякий случай представляю здесь список глупых вопросов, которых НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НИ ПОД КАКИМ ПРЕДЛОГОМ НЕЛЬЗЯ ЗАДАВАТЬ УЧИТЕЛЮ:

1. Зачем учить ваш предмет?
2. Зачем делать домашнее задание?
3. Почему я сижу на первой парте?
4. Почему вы все время делаете мне замечание, а Петрова, которая записки Симонову пишет, остается безнаказанной?
5. Можно исправить двойку?
6. Я не успел выучить урок. Можно я выучу его завтра?
7. Вы не могли бы мне объяснить это еще раз?
8. А вы сами поняли, что объяснили?
9. Почему я сказал глупость?
10. А почему на доске написано одно, а вы говорите совершенно другое?
11. Простите, но вам случайно не кажется, что в учебнике написано не так, как вы сказали?

И так далее. Если хочешь проверить, что получится, если что-нибудь из этого все-таки задать, – можешь рискнуть. Но за последствия я не отвечаю, и вообще я предупреждала и умываю руки.

В-восьмых, не дай бог тебе повстречать учителя в туалете. Лучше пройти мимо и сделать вид, что ты не заметил ни туалет, ни учителя внутри. А если ты все-таки вошел, отвернись к стенке, сделав вид, что тебе вдруг срочно понадобилось развязать и снова завязать шнурок на ботинке, и сиди так, пока учитель не выйдет или хотя бы не станет мыть руки. Если же ты все-таки, несмотря на все предосторожности, встретился с учительским взглядом – тут

же отводи глаза и убирайся с его пути. Ни в коем случае не делай учителю замечание, если он не вымыл руки – в крайнем случае можешь рассказать об этом маме дома.

И упаси тебя боже поздороваться с учителем в туалете!!!

В-девятых, если ты вдруг по какому-то предмету знаешь больше учителя (если ты, несмотря на все перечисленное выше, учишься с удовольствием, может случиться и такое), скрывай свои знания как можно тщательнее. Если ты вдруг случайно скажешь о них учителю, он тебе из принципа не поверит и вдобавок обрушит на тебя несметное количество каких-то формул, так что ты просто не сумеешь не признать, что учитель умнее. Потом он на тебя наорет и постарается завалить на первом же уроке. Хорошо еще, если он, вызвав тебя к доске, даст тебе пример из учебника, на последних страницах которого есть ответы, и ты сумеешь себя частично реабилитировать, когда твой ответ совпадет с учебническим. А если учитель даст тебе пример собственного сочинения? Не удивляйся, бывает и такое.

В-десятых, твой класс постигнет жестокая кара, если вы вдруг окажетесь такими сообразительными, что станете перевыполнять учебный план. Учитель будет ругать вас за это на педсовете, попытается подsunуть самые труднорешаемые примеры и задачи, чтобы как-то вас затормозить. В конце концов он достигает успеха, и сообразительность в классе снижается сперва до общепринятой нормы, а затем... Через несколько лет тот же учитель ругает вас уже не за избыток учебной энергии, а за полное ее отсутствие. А виноваты опять оказываетесь вы, и ничего с этим поделать нельзя.

В-одиннадцатых... В одиннадцатых – это особое. Оглянись внимательно, и, быть может, ты увидишь редкий вид учителя, который стоило бы занести в Красную книгу.

Учитель, который поймет, почему ученик не готов; не станет ставить двойку зря; старается каждому помочь; умеет объяснить, зачем вообще учить его предмет. Учитель, который может признать, если неправ, и даже рад, когда его поправляют собственные ученики. Учитель, который, видя, что его учебный план отстает от ученической сообразительности, всегда находит новые интересные задания.

Таких все любят, но таким почему-то чаще всего достаются самые худшие наши пакости. И если нас спросить, почему мы так поступили, мы только разведем руками и скажем:

– Ну... все так и мы... Это... Вот...

Просто, когда нам хочется обидеть кого-то, мы бессознательно выбираем тех, у кого есть чуткая душа, потому что остальные – абсолютно непробиваемые и обиде не поддаются. Из них и слезинки не вытянешь, из этих идейных и принципиальных. А наш редкий вид – самые ранимые, поэтому и обидеть

их легче. Мы ведь боимся трудностей. Мы уверены, что с остальными учителями у нас ничего не получится, и бежим туда, где легче. А за что достается самым любимым? За что мы их обижаем? Они же не виноваты, что все остальные – бегемоты. Но мы входим в азарт и говорим:

– Нет, виноваты! Они вообще все такие! Долой!

Только когда такой учитель уйдет от нас, мы вдруг поймем, что его-то как раз и не следовало обижать. Потому что на его место поставили такого бульдога – что хоть плачь. А поздно...

2006

ВАРВАРА МАРКИНА

ЗЕЛЕНАЯ ЖИЗНЬ

Я смотрю на крючковатые пальцы деревьев, которые с каждым днем все больше покрываются зеленой шерстью листвы, я смотрю на весенние талые лужи снега, в которых отражается пух облачной дымки и кусочки золотого солнца, если повезет, после дождя можно разглядеть еле различимые радужные краски веселого горбатого коромысла. Каждый охотник желает знать... Папка научил меня радуге, первый раз ее показал, первый рассказал про фазана... Я смотрю вниз и вижу серый асфальт, кто-то когда-то сказал, что он скучает по асфальту зимой. Да, эта зима была слишком долгой: я забыла, какой он. И теперь я разглядываю каждую неровную складку асфальтового серого чуда, вглядываюсь в каждый камушек, чтобы успеть запомнить его не в летней пыли, а в солнечных блестках талого снега. Закрываю глаза, вдыхаю аромат весны и вспоминаю.

Я увидела его в метро, в проносащемся мимо гудящем поезде, двери раскрылись, а я так и стояла перед открытыми дверьми и не могла оторвать свой намагниченный взгляд от его серого. Потом мы улыбались, и мне не нужно было в тот день ни лекций, ни маминых пирожков с яблоками, ведь настоящая весна, которую я так долго ждала, пришла ко мне перед раскрывшимися дверьми обшарпанного вагона.

В тот день я летала. В первый раз.

Я помню темно-вишневую трубку нашего старого телефона, помню, что мои сумасшедшие пальцы бегали по кнопкам, помню какие-то цифры, помню его голос, ломающийся, почти мальчишеский, с какой-то едва уловимой смешинкой.

Он принес ландыши на первое свидание. Когда-то в детстве нам говорили, что это слово произошло от «ланных ушек», на которые так похожи широкие продолговатые листья.

Я рассказала ему это, он рассмеялся, назвал меня выдумщицей и сказал, что не признает цветов: слишком дорогие, слишком красивые. Зачем он это сказал?

Он крепко прижимал меня к себе, целовал мою шею, потом грудь; его губы оставляли горячие следы на моем животе, на бедрах, я охватывала руками его голову и просила не прекращать этих ласк, а потом покрывала поцелуями его спину, и от каждого моего прикосновения, я чувствовала, как ему хорошо. Он гладил мои волосы и называл своей крошкой...

– Я тебя люблю...

– Я тебя сильнее...

Тысячи бессвязных слов и стонов каждую ночь наполняли мрак все той же комнаты, долгие разговоры при свете луны, бесконечные клятвы и признания, такие, которых я не слышала даже в кино. Наша жизнь стала ночной, как у летучих мышей... Странно. Я не задумывалась тогда, что они вампиры...

Я думала, мы любим друг друга.

Как-то ночью я словно отделилась от своего тела и парила высоко в сумеречном небе, где-то среди звезд, я будто бы уносилась в высь, забыв о старой общажной комнате с тараканами, о моих разбросанных на полу вещах, забыв о времени, о предосторожности, обо всем, обо всех... Лежа на мокрых простынях, я разглядывала его лицо и понимала, что с этой весной, с этим человеком и началась моя жизнь. Моя жизнь... Как весна – зеленая и наивная.

«У меня СПИД. Звони, когда захочешь по *****».

У меня звенело в ушах, я кричала и не слышала собственного крика. Бессмысленно было рвать на себе волосы, рыдать, просить пощады... Он ушел, оставив дверь открытой, от циничных жестоких слов после ночи любви я пришла в себя только тогда, когда увидела вождеденные взгляды его полуголых соседей... Любовь????!! Обман? Зачем? Чтобы уволочь с собой в могилу и мою зеленую жизнь??!

Целый год. Больницы, врачи в белых халатах, бесконечные иглы, глухая ненависть и безразличие ко всему, презрение «друзей» и родственников. Боль. Слезы. И снова боль.

Весна особенно невыносима, когда ты умираешь. Все вокруг движущееся, ликующее, смеющееся отдает уколом шприца, все новым и новым... Я не смогла устоять: всего лишь один шаг, и я летала, улетала вновь... Уже с окна. Далеко от боли и от его лживых ласк, далеко от рыданий, раздражающих душу, далеко от своих воспоминаний и маминых горячих слез, далеко от слов «я не хочу умирать»... Я улетала.

Я смотрю вокруг и вижу серый асфальт, кто-то когда-то сказал, что он скучает по асфальту зимой. Да, эта зима была слишком долгой: я забыла, какой он. И теперь я разглядываю каждую неровную складку асфальтового серого чуда, вглядываюсь в каждый камушек, чтобы успеть запомнить его не в летней пыли, а в солнечных блестках талого снега, краснеющего от моей зеленой жизни...

ЧОКНУТЫЙ

«...Вика стучала каблуками, железные набойки гулко отбивали ритм ее уверенного шага. Бесстыдно короткая юбка, каштановые волосы с рыжим оттенком... и стук каблуков, стук ее черных длинных «ботфортов», как она их называла. Все это приводило в изумление серых облезлых воробьев и студентов старших курсов университета, которые с изумлением смотрели на кожаную мини-юбку и стройные ноги в черных в полосочку чулках... Именно такой я увидел ее в первый раз, именно такой она навсегда запечатлелась у меня в памяти, именно такой я ее полюбил...

Она была непредсказуема и в любой момент могла уйти, потому что была еще и независимая, слишком свободная и... невыносимая. Но она любила меня, поэтому и не ушла, любила, потому и жертвовала своей неограниченной... свободой... жизнью, потому что жизнь и свобода для нее представлялись единым целым. Иногда мне казалось, что она анархистка. Она делала то, что хотела. Жила, как хотела, не ставила для себя ограничений, она, казалось, гнала по жизни на скорости двухсот километров в час, не останавливалась, сбивала часто кого-то и причиняла кому-то боль, но я всегда завидовал тому, что она умела жить в полную силу. Она была слишком эгоистична, но брала от жизни все. Я любил в ней силу, она научила меня силе. Я понял: сила не в способности бороться, не в мужестве, как думали многие, сила не в удаче и не в счастье, сила ее и моя – это была сила жить. Каждый день подниматься, спускать ноги с кровати и ставить их на ледяной пол, каждый день дышать полной грудью и каждый день осознавать, что он может быть последним.

Не помню, что я сказал ей, когда первый раз к ней подошел. Знаю, что я говорил не про погоду и не про себя. Кажется, я спросил тогда: «Ты умеешь летать?» Она сказала «да», почти сразу, не задумываясь, с легкостью и уверенностью. Она действительно умела летать. И не только во сне.

Она любила кино. Пустые холодные кинотеатры и последние ряды. Помню, как коснулся ее пальцев и сжал ее горячую ладонь в своей холодной, кино потом я не смотрел, я любовался ее тонким профилем, не отводя от нее взгляда, я раздевал ее глазами в темноте. Она тогда неожиданно повернулась и пронизательно, строго посмотрела на меня, а потом... Потом кино мы не смотрели уже вместе. Мы целовались, пока не закончился фильм, потом еще, еще, пока не погасили свет, потом еще, пока не услышались чьи-то шаги... Целовались без передышки, не отрывая ни на секунду своих горячих ртов, тогда я впервые к ней прикоснулся.

Мы вместе мечтали об океане. Он напоминал ей дьявола. Мне – ее. Мы познакомились с океаном той весной. Она все время улыбалась и как ре-

бенок с восторгом топтала мокрыми ногами сухой песок, а я долго изучал ее следы и сказал, что они похожи на кошачьи... Помню ее тонкие завитушки на белоснежной открытой шее, выбившиеся из общей массы заколотых на затылке волос. Я люблю тебя. Я говорил это не ей... им... мокрым, пахнущим соленой водой и ароматом духов каштановым прядям. Я целовал их, но они, тонкие, ускользали от меня, и я осторожно прикасался губами к ее белой коже... Я люблю тебя... Теперь я говорил это ее губам и всему ее телу. Тогда я впервые сказал «люблю», тогда я впервые не лгал.....»

Он был одинок. Он жил в своем мире, замкнутый, забитый и забытый всеми. Он не умел жить, как все. Он был чокнутый? Да, наверно. А может, единственный нормальный из всех. Он не запачкал мозги пошлостью и банальностью. Он был гениален? Да, наверно. Все чокнутые гениальны. У него была мечта. Она... Вика была его мечтой. Не встретил. Не судьба? Не знаю... Он испугался, что не встретит именно такую, какую выдумал, какую уже любил, прочитав сотню книг и заглянув в собственный полумрак души. Он умер. В сумасшедшем доме. Ему показалось, что она умерла от рака. Он не вынес. Врачи говорили – разрыв сердца. Он умер... Остались лишь голые стены палаты, маленькая открытка синего бушующего океана и... пара листков... Бред сумасшедшего? Не знаю... Может, просто крик души: « Вика стучала каблуками, железные набойки гулко отбивали ритм ее уверенного шага...»

АЛЕКСАНДР ПОЛИВАНОВ

СТИХОТВОРЕНИЕ

Трение о стены северных ветров, как шерстяного пледа колючего об ноги; в этих стенах – окна и десятки снов в каждом из окон ведь под рваный ритм Маяковского, под вой Бродского (в исполнении автора) так приятно видеть какой-нибудь сон в унисон начинающейся зиме.

Вместе с ветром слёдкий снег тяжелый, но легко поднимаемый в воздух, дует и продувает ветер крыши без двухскатных шапок до ангины сосуллек, а улицам этого города снег к лицу, как к лицу Льва Толстого окладистая борода, снег облагораживает город как гладко выбритый подбородок Пастернака.

И вдруг (то ли час, то ли два, темно, короче – полночь) на сильные непредсказуемые этого зимнего метра, размера-дольника ораторского вдохновения ветра, ложится ударный стук лопаты дворника:

ударный

*

*

ударный

*

ударный

*

ударный

*

*

*

*

удар

Дворник работает. Дворник разгребает падающий снег с тротуаров, сооружая пирамиды, испуленно, как развязка драматического сюжета.

Но не этого.

Я утром проснулся и сладко поежился от непридуманных снов. Белый стих температур так и остался непредсказуем до самого конца произведения: я открыл окно и встал в лужу.

Снег стаял.

ЕСЛИ КОГДА-ТО...

Если Гандлевский по неумению все стихи начинал с союза «и», то я ушел дальше – у меня все начинается с «если» или «когда».
Неизвестный автор

Когда снесли общежитие «быт зила», я плакал. Когда расчистили место там, где раньше был военторг, я носил свечки. Когда пустота вгрызлась в гостиницу «Россия», я уже не смог вынести и отправился гулять по тротуарам с обнищавшей Москвой.

Если бы в это время шла осень, Москва бы, наверно, расхлюпилась, я бы напился. Если бы зима, мы бы забыли про все печали в отупляющем грохоте метро. Но стояла весна, Москва расцветала. Несмотря на ее изъяны, мы снова стали любить друг друга.

Никогда механизм памяти не работает как часы, а всегда выборочно, словно мухобойка в намуханной комнате. Когда прихлопывается одно воспоминание, другие улетают. Нам от советского времени осталась в памяти архитектура – даже вывески «булочных», «рюмочных» и «пельменных» уже по-заменяли однообразными «кафе», а на канализационных люках все больше пошлых МосГУП-93 вместо романтических 1968.

Если бы Сталин жил в тринадцатом веке, то многословные итальянцы и фотоаппаратные японцы ездили бы в Москву смотреть на сталинскую архитектуру, как в Прагу на собор святого Вита. У Университета вплоть до смотровой площадки была бы пешеходная зона и с десятков пивных, а на нижних этажах ГЗ был бы музей студенчества, сувенирная лавка и пыльный букинистический. В пивных сидели бы кроме туристов мужики и смотрели бы футбол – «Локомотив–Амкар», например, или «Спартак–Томь».

Когда пиво заканчивалось, они искали бы глазами официантку и знаком показывали бы сколько и какого. Чтобы все было справедливо и не только им было бы хорошо, пусть московская команда проигрывала или хотя бы играла вничью. Пивные мужики бы тогда расходились, посмеиваясь над потешными туристами, за столько лет так и не научившимся говорить по-русски.

Если бы метро построили еще суровые Рюриковичи, москвичи бы ездили на трамваях, оставив нерасторопный транспорт зевакам, романтикам и карманным воришкам. В названиях станций преобладали бы новозаветные

традиции, зато само оформление станций было бы скорее языческим, с богатым растительным орнаментом...

Когда на станции Ярослава Мудрого (ныне Киевская) мимо второго справа барельефа проходила бы красивая экскурсоводша с монгольской внешностью, она обыкновенно рассказывала бы группе из Америки про то, как достоверно известно, что по этой дороге вывозили, опасаясь татар, княжескую библиотеку. До сих пор авантюристы ее ищут, говорила бы она, на этом месте подмигивая мне. Я бы сидел на станции Ярослава Мудрого со старинной какой-нибудь книжкой в руках и думал бы, ехать или не ехать в университет. «Не ехать», – останавливался бы я и ждал с интересом новой, еще более красивой и знакомой экскурсоводши.

Если бы... Когда б...

ОРАНЖЕВЫЙ НАСТРОЙ

Шагаю по любому любимому бульвару Садовой Москвы, по каждому бульвару хожу и измеряю шагом булыжник, меряю взглядом все вещи из светлых витрин. Теплый вечерний день – и в этот день мне приятно шагать по бульвару, примеряя на себя дорогие товары.

Вот магазин – одежда-обувка; обновка. Витрина освещена внешним светом фонаря, отражающимся в только что вымытом машиной-дворником асфальте, и еще внутренним светом саморекламы. На витрине стоит девушка, а другая девушка переодевает ее в новую коллекцию у всех на виду, потому что одна из них манекен, а другая – студентка третьего курса.

Я облакачиваюсь на ограду и смотрю на открытый фасад дома начала века, где происходит переодевание человеком не-человека. И еще дальше – в глубину магазина, где человек в тройке беспокоило меня пар на пар, пар на пар, а рядом с ним бегают продавщица-помощница, а потом вдруг останавливается, пока банкир меряет очередные ботинки, ловит мой взгляд, улыбается, подмигивает мне, а покупателю с растопыренным пиджаком и прилизанными лаком волосами корчит милую вредную рожицу.

Я таю от ее улыбки и от оранжевого бейджика у нее на груди.

Я шагаю по бульвару и смотрю, как машины обгоняют машины, а в вышине над ними троллейбус отбрасывает рога на радость целующимся пассажирам теплого дня. Иду и заглядываю в каждое окно и в каждую форточку, в каждый люк – мне все интересно.

И вот светофор, красный свет, и мне приходится ждать, как сотни шин перебегут мне дорогу, как кучера такси найдут себе дорогих пассажиров, и как люди нервничают, входя в метро неподалеку. Я держусь за столб и считаю секунды, когда наконец можно будет идти.

Вижу, как зеленый свет для машин начинает моргать, как он подмаргивает мне своим нижним глазом, как пешеходы сходят с тротуара предвестником скорой возможности пути, я тоже готовлюсь идти, вот уже скоро зажжется красный, и машины тормозят, давая пройти выпившим, бедным, принципиальным и туристическим людям.

Я один болтаюсь посреди них и таю от красивых морд автомобилей, от слона-троллейбуса и от оранжевого сигнала светофора.

Мой шаг нетороплив, как московская пробка. Я не уверен в направлении, как интурист – я теряюсь в обилии табличек, указателей и кривых колееньев переулков. Но осенний вечер свеж и тепл, как желтые листья, собранные недавно в небольшие кучки.

Здесь жил Пушкин, а здесь он читал свое произведение; здесь Пушкинский музей и Пушкинский кинотеатр – в этом музее великий поэт смотрел на выставку, посвященную декабристскому восстанию, а в кинотеатре – «Евгения Онегина».

Вот здесь жил Толстой, и здесь тоже жил он, а неподалеку Алексей Толстой. Они часто ходили друг к другу в гости, а когда было холодно – сидели на 31-й троллейбус, чтобы тот довез их. «К графу, – говорил обыкновенно Толстой, компостируя талончик. Этот маршрут сначала так и назывался «толстовским»...

А вот здесь гулял Булат Окуджава, а теперь он гулять не может, потому что стал старый, и только стоит и смотрит на арбатские безобразия.

А вот еще Гоголь, и рядом с ним Гоголь постарше. Они друг друга очень не любят и пишут через дорогу друг другу злостные эпиграммы, одна другой злей и передают с посыльными бомжами, которые спят, как денщики в ногах то у одного, то у другого.

А вот дом Поливанова – дом деревянный и старый, а Поливанов умер давно и ничем не знаменит.

А вот еще мой дом, кто, интересно, здесь жил? Я смотрю в путеводитель по Москве, но он не дает ответа.

Тогда я выхожу на середину улицы, задираю голову, чтобы понять значение моего дома, я встаю под фонарь оранжевого электричества, и моя тень отражается в темноте асфальта. Я таю от света и от бледно-желтых кирпичей моего дома в свете люстр из окошек.

Я, словно юноша-романтик, шлепаю дальше по лужам, подкидывая иногда каштаново-топодлинные листья носками ботинок, и на расклешении улиц иду, куда шагают ноги в штанах. И улыбка на моем лице глупо и счастливо разрезает теплый, осенний, как оранжевая ветка метро, город.

По асфальтовым коврам тротуаров, по травам и листьям московских бульваров путь лежит из хорошего настроения-беззаботного в настроение хорошее тепло-усталое. Вечер сменяется неглубокой ночью, такой неглубокой, что плавать в ней еще пока что тепло и безопасно, и я плыву, а чтобы плавание продолжалось, *поливальные* машины, с которыми отношения мои особенные, разгоняют пыль огромными струями свежей воды. Их вода покрывает дорогие машины и залепляет залепанные тротуары, брызжет в фары ночных гуляк и дотрагивается до моих ботинок.

В консерваторном зале бульваров законсервировали мужиков в машины, а арии поют пьяные басы и чудесные безголося, музыка заполняет уши, я весь отвлекаюсь на нее и не замечаю, как вплотную ко мне подходит дворник-киргиз, и на нем шапочка с пумпоном и оранжевая куртка. Он спрашивает:

– Покурить нету?

Я вынимаю пачку, но он не отходит. Достает спички, сладостно затягивается, смотрит на меня и улыбается карими зубами со вставным железом.

– Спасибо, – говорит он.

А я вконец таю от его куртки и поливальных оранжевых машин, я растаял без остатка, я растворился как сахар в огромной кружке чая Москвы.

И вот теперь я катаюсь по разметочным линиям на ветре на любой сигнал светофора, я играю в карты по ночам с монголами-дворниками, а когда они заняты – прихожу ночевать в милый сердцу бутик. С букетом оранжевых цветов и фотокарточками, которые сделаны вспышками фонарей.

ПРИВЕТ

– Привет, – сказала она и поцеловала меня в губы.

Я подумал, что оттолкнуть ее было б невежливо. Когда через какое-то время она сама отстранилась, я наконец сумел ее разглядеть: достаточно симпатичная, но – вот беда! – совершенно мне незнакомая девушка. Я понадеялся, вдруг она обозналась, но вопрос о том, как меня зовут, рассеял остатки сомнений. Смутьившись, я ляпнул первое, что пришло в голову; хорошо хоть это было не женское имя. А ведь я ждал тебя. Ждал, хотя точно уже знал, что ты не придешь.

– Симпатичные очки, – сообщила она.

Правой рукой она теребила ремешок висевшей на плече сумочки, левой шарила в пространстве, пытаясь захватить мои пальцы, и при этом упорно мне смотрела в глаза. Фраза явно предполагала какую-то ответную реакцию с моей стороны.

За спиной прошумел поезд, и я только сделал вид, что сказал что-то, на самом деле не сказав ничего. Переспрашивать она постеснялась. Несколько мгновений мы молча друг друга разглядывали. Да, она была симпатичной, но глаза у тебя были темнее и волосы завивались колечками, а у нее были прямые.

– Ты знаешь, а там наверху такая погода отличная, – для вида она закатила глаза к потолку. – А ты любишь танцы? – тут же выдала она без всякого перехода.

В голове у меня мелькнула шальная мысль, что надо бы поспешить согласиться насчет хорошей погоды, пока у меня не поинтересовались, люблю ли я, например, устриц. Из кармана у нее зазвучала какая-то популярная песенка.

– Ой, подожди минутку! – сказала она, доставая телефон и отходя в сторону.

Я подумал, успела ли ты уже стереть мой номер из своей телефонной книги. Рядом стояла колонна экстренной связи – или как их там называют?.. – расставили теперь на всех станциях такие полосатые штуки.

– В чем смысл жизни? – спросил я, надавив на кнопку.

– Не в метро, – ответил мне из динамика голос девушки.

Она уже возвращалась ко мне, раскачивая телефон за шнурок. И тогда знаешь, что я сделал? Я притворился, что это ты.

В переходе играли музыку. Бог его знает, где они взяли электричество, но у них была подключена и гитара, и бас, и, кажется, что-то еще. И конечно, у них была непрременная девушка с кепочкой для сбора монет.

А в другом конце перехода сидел грустный человек. У него не было ног. И ему не нравилась музыка. Наверное потому, что была и правда плоха.

В переходе продавали носки. Самых разных цветов. Вязанные теплые шерстяные, хотя зима уже миновала, и для девушек – капроновые, тонкие. Но грустному человеку не нужны были носки: у него не было ног, чтобы их носить, у него не было рук, чтобы их надеть.

По переходу шли люди. Утром еще сонные, вечером – усталые после рабочего дня, днем – какие-то редкие праздные граждане, иногда иностранцы. Но грустный человек не обращал на них никакого внимания, потому что у него не было глаз.

Хотя стены перехода регулярно выкрашивали, с еще большим старанием и упорством кто – никогда не известно – наносил на них надписи, чаще всего глупые или же непристойные, но изредка такие, над которыми можно было задуматься. Однако грустный человек не задумывался: для этого у него даже не было головы.

В сущности, у него вообще не было тела. У него не было совсем ничего, кроме его грусти. И поэтому он продолжал грустить – чтобы хоть что-нибудь оставалось.

РАССКАЗ

– А у нас новый номер наконец вышел. Тебе сколько, один?

Уже по дороге, в метро она развернула, пролистала, дожевывая купленный на бегу сэндвич. Проверила, не ошиблись ли с ее именем и фамилией – это как водится. Полистала еще, пока ее взгляд неизбежно не уперся в рассказ, про который редактор сказал: «Ну-у, это вообще непонятно что».

Дочитывала она уже дома, придвинув поближе настольную лампу, выкуривая одну за другой сигареты, не обращая внимания на разрывающийся телефон, который все одно сообщал только дурные новости. Текст был длинный, медленный, вязкий, пленительный. Она читала судорожно, не отрываясь. Не потому, что ее захватил сюжет – история, в сущности, была ни о чем, – а потому, что оказалась поражена и раз и навсегда покорена мастерством, с которым строилась каждая фраза и которого она уж тем более не ожидала встретить в подобном журнале. Конечно, у каждого свой вкус, но это было более чем в ее.

В самом деле она не любила читать чужих текстов, она была высокого весьма (оправданно ли, неоправданно) мнения о себе, но, еще не дойдя до середины, со смешанным чувством начала сознавать, что эта девушка – а автором была именно девушка – не то чтобы несомненно талантлива, а много талантливее ее.

Концовка не прибавила к ее впечатлениям ничего нового, но она еле вытерпела, проворочавшись всю ночь без сна, пока наступило утро, чтоб позвонить редактору. Для нее вдруг сделалось жизненно необходимо встретиться с этой девушкой, поговорить, просто посмотреть на нее.

Редактор по знакомству в координатах не отказал. Условились. Встретились в одном из кафе.

У девушки оказались длинные волосы, заплетенные в такие косички – дреды, как их называют. Она была тонкой и гибкой. Она училась и собиралась стать в дальнейшем художницей. Она отвечала спокойно и доброжелательно, и было ясно, что она такая со всеми; для нее это было просто любопытным знакомством, но только, не более.

Они сидели за столиком. Девушка заказала себе кофе, а она все больше курила, абсолютно замороженная своей собеседницей. Она попыталась позавидовать этой девушке: тому, что у нее есть такие дреды-косички, тому, что она так пишет, тому, что она такая непринужденная, но до того привычные к подобным чувствам струны души на этот раз не шевельнулись.

Она говорила иногда невпопад и все недоумевала, пока вдруг не поняла, что сожалеет об одном только: что она не мужчина. Тогда все встало бы на свои места. Тогда она могла бы галантно, а не просто из машинальной вежливости протягивать своей спутнице зажигалку, а после помочь ей надеть пальто, а после... А так кто она? Какая-то тетка с неустроенной жизнью и проклятым телефоном, за который впору бы не платить – ну вот опять позвонили, сказали, что-то случилось, надо срочно подъехать.

Расстались они в общем-то ни на чем. Второй день кряду она возвращалась в свой пустой дом, где не так уж любила бывать, со всей поспешностью и нетерпением. Сбросив туфли и расстегнув, но так и не сняв пальто, она прошла в комнату, сняла трубку, набрала номер своего бывшего – от третьих лиц она знала: у него все не лучше.

– Слушай, – выпалила она, не успев поздороваться и не поинтересовавшись, может ли он вообще говорить. – Я тут встретила такую девочку. Ты обязательно должен с ней познакомиться!

ЕЕ МУЖЧИНЫ (ДАР)

Все ее мужчины обладали одним главным свойством: они исчезали. Стоило ей провести с человеком ночь – нет, она не была убежденной сторонницей свободной любви, ей всегда хотелось чего-то большего, но как иначе начать? – как он пропал (неважно, каких планов они успевали настроить за короткий вечер, проведенный совместно); не звонил, не писал, не появлялся больше на ее горизонте. Сначала это служило поводом для беспокойства, бесконечных самокопаний, но ответа она не находила. Постепенно она начала ко всему относиться с иронией – ничего другого не оставалось.

Однажды шутки ради подружки по университету предложили ей соблазнить слишком строгого преподавателя, которому предстояло в конце семестра сдавать экзамен. Несмотря на все неудачи, она была достаточно хороша, достаточно обаятельна, чтобы преуспеть с подобной задачей; преподаватель же, несмотря на свои повадки, был еще вполне молод.

Среди десятков неповторяющихся ночей она провела довольно забавную ночь в разговорах о науке, хотя, конечно, не только... На ближайшую лекцию этот человек не явился. Потом пришел кто-то из деканата. Экзамен они сдавали ко всему безразличному аспиранту.

Дальше пошло по нарастающей: ей не нравились в компаниях какие-то отдельные люди, на работе кто-то претендовал на занятие той же, на какую она рассчитывала, должности. У нее появился значительный опыт, хотя любовь потеряла для нее вкладываемый в это понятие многими смысл. Вместо мужчин ее окружали многочисленные подружки, ценившие ее за способность в критической ситуации им помочь. Слыша по телевизору о пропадающих без вести, она задумывалась, не была ли случайно знакома с теми людьми.

Она была еще далеко не стара, у нее были деньги, и она держала себя в форме, когда однажды в ее населенном только кошками и миниатюрными собачками доме раздался телефонный звонок:

– Мы звоним... в общем, вы понимаете откуда. Родине нужны ваши способности. Скажите, как вы относитесь к Соединенным Штатам Америки?..

УТРО ВДВОЕМ

Меня разбудил несильный удар в плечо.

– А теперь – проваливай.

Первые лучи солнца уже пробивались сквозь опущенные занавески. Она сидела рядом со мной на кровати и, кажется, сама только проснулась. В комнате ощущался ни с чем не сравнимый запах пролитого шампанского,

во рту – ставший уже привычным по утрам отвратительный привкус. Голова болела и соображать отказывалась.

Кажется, она еще что-то сказала о том, что ни слышать, ни видеть меня не хочет, ни... и так далее. Почтя за лучшее оставить ее реплики без ответа, я уныло побрел в ванную. Щелкнул выключатель, но в потолке загорелась только одна тусклая лампочка. Сколько же я здесь не был? Пару месяцев. Я открыл кран.

– Ты знаешь: я маленькая, не достаю, – она уже стояла у меня за спиной, облокотившись на дверной косяк, и многозначительно смотрела на потолок. – Ты – длинный, дотянешься и со стула.

Я открыл было рот, но она опередила меня:

– Я не сказала, что собираюсь с тобой говорить. Хватит с меня этих твоих разговоров, – и, резко развернувшись, ушла обратно в комнату, а я отправился почему-то на кухню, за стулом, попутно хлебнув воды из стоявшего там чайника.

Она принесла лампочки, я влез на стул. Сколько нужно идиотов, чтобы вкрутить лампочку?.. Голова у меня закружилась, и я поспешил схватиться за стену. Где-то мы с ней вчера случайно опять встретились. А дальше что было? Портвейн? Красное?..

Она нажала на выключатель.

– Ну теперь красота!

Спрыгнув со стула, что чуть не стоило мне потери равновесия на скользком полу, я потащился в уборную. Ручка висела на двери как-то криво, и не то что запереться, даже нормально закрыться было нельзя. Все время пребывания внутри я молил бога, чтобы меня не встретили на выходе с какой-нибудь отверткой, которой я сейчас был в состоянии разве что сделать себе харакири. Но обошлось.

Пока я одевался, прозвучал монолог из серии: и не вздумай звонить мне, никаких больше начать все сначала и проч., и проч. Уже в коридоре она всучила мне какую-то книжку.

– Ты мне давал.

О том, что у меня вообще когда-то такая книга была, я помнил смутно, но это ничего не означало. Зато у меня не изгладилось почему-то из памяти, как обращаться с замками. Я открыл дверь.

– Ах да. Я там в жж написала... Прочтешь – ответишь потом.

Дверь захлопнулась. На улице шел дождь. Я надвинул капюшон почти до самого носа. Автобусы по ее улице ходили редко. Впрочем, у меня все равно не было денег на подобное удовольствие. Я сунул руки в карманы, а когда извлек их оттуда, на ладони у меня лежал ее длинный темный волос – больше, чем ничего.

ПОД ПИВО И МУЗЫКУ

Я заметил ее рядом с собой, только когда она, прикончив свое, принялась пить мое пиво, полубеззастенчиво, полумашинально. На мой не слишком доброжелательный взгляд – поймите меня! – она отвечала улыбкой. Ничего голливудского, но какое-то обаяние у нее определенно имелось.

Есть люди, которые могут прийти на концерт потому только, что он бесплатный. Кажется, она была из таких. Я не нашел ничего лучше, чем предложить угостить ее пивом, по всему судя, полностью оправдав ее ожидания. Вторая кружка, которая была для нее явно уже далеко не второй, заставила ее еще более расшевелиться, и вот я уже почувствовал когтистую теплую лапку на своем брючном ремне.

– В мире полно нелепых вещей, – не выдержав, сообщил я.

– Ага, представляешь, однажды я обнаружила пьяного сантехника, спавшего на полу у меня в кухне, когда я пришла домой, – не замедлила с ответом она.

Во время лучшей, пожалуй, за весь вечер песни она отправилась в уборную, точное местонахождение которой, очевидно, для нее оставалось загадкой.

Вернувшись в еще более помятом виде и несколько виноватая, она шепнула мне на ухо:

– Ты знаешь, у меня пусто на сердце, в квартире и в холодильнике.

Я был готов пообещать купить ей батон колбасы, но не знаю отчего передумал. Музыка для меня на этом закончилась. Дальше были влажные поцелуи с привкусом пива и чего-то еще далекого от романтики, пустой плохо освещенный перрон и последняя, кажется, электричка. Вместо колбасы я взял нам дешевого коньяку.

– Ничего, будет что вспомнить, – беспрестанно твердила она, оскальзываясь в грязи по дороге от безвестной станции, когда я помогал ей подняться.

«Влюбляться – так уж без памяти», – думал я, допивая коньяк из горлышка.

ВЛАДИМИР СТОФОРАНДОВ

ЕЖ И КАКТУС

Еж, при всей своей игольчатости, никогда не залезет под кактус, потому что он мешает его свободе самовыражения. Что может еж в отличие от кактуса?

- 1) прятаться от солнца в кустах
- 2) спастись от грызуновиков
- 3) пить молоко из блюдца
- 4) собирать и носить яблоки на спине
- 5) дрыгать лапами во сне
- 6) моргать
- 7) разевать рот, особенно рано с утра, когда грызуновиков еще нет, яблоки валяются на земле, а кактус растет в Африке
- 8) дрыгать лапами во время передвижения
- 9) плотно поев, смачно отрыгнуть
- 10) убить муху Цеце с двух иголок
- 11) убить жука-носорога с пяти иголок
- 12) ловить вздохи ветра иголками (хотя, впрочем, это может даже самый примитивный кактус)
- 13) соревноваться с другими ежами в дальности стрельбы
- 14) соревноваться с другими ежами в дальности стрельбы иголками
- 15) соревноваться с другими ежами в дальности стрельбы яблоками
- 16) притворяться мертвым комочком иголок, в случае, если что
- 17) запивая уходить в запой, чтобы запевать
- 18) петь в пьяном состоянии
- 19) пить в трезвом состоянии
- 20) никогда не встретить на своем пути кактус, потому что на вопрос о том, что будет, если на пути непреодолимой силы окажется несдвигаемый объект, уже дан правильный ответ

Что может кактус в отличие от ежа?

- 1) безнадежно притворяться кустом, дабы смертельные солнечные лучи совсем не оборзели (хотя в данной ситуации кактусу вообще наплевать)
- 2) спастись от грызуновиков мощным и метким уколом в жопу
- 3) втягивать воду из трубочки посредством корней
- 4) пускать корни глубоко в землю
- 5) ночью притворяться невменяемым фонарным столбом без лампочки
- 6) плевать водой

- 7) поутру совершать разминку
- 8) куриться
- 9) отрыгнув, смачно поест
- 10) убить муху Цеце, чтоб знала правду про маленькие зеленые невменяемые фонарные столбы
- 11) жук-носорог при виде кактуса желает вырасти и умирает (поэтому носорогов в природе мало)
- 12) ловить вздохи ветра иголками (хотя, впрочем, это может даже самый примитивный еж)
- 13) соревноваться с другими кактусам в принятии позиции «Цапля»
- 14) соревноваться с другими кактусами в дальности плевка водой
- 15) думать, что весь мир зеленый, а он – белый и пушистый
- 16) никогда не пить
- 17) много курить и не сушить мозг (ибо нет)
- 18) спорить с философами и убеждать их в своей правоте молчанием
- 19) знать, что в неравной борьбе инструктор по стрельбе окажется прав
- 20) знать ответ на поставленный выше вопрос, а потому и не верить ежам-обманщикам.

АНАСТАСИЯ ТАЛИЦКАЯ

АЛИСА И СОЛНЦЕ

Ровно в полдень Алиса надевала оранжевую панамку и выходила на крыльцо. Дракон, завидев ее с неба, начинал медленно снижаться, и в мире сразу стало теплее раза в три. Описав несколько кругов в воздухе, он приземлился на большую площадку перед домом Алисы (площадка когда-то служила теннисным кортом, а теперь вся заросла бурьяном).

– Привет, – тихо здоровалась с ним Алиса.

Дракон ничего не отвечал – он удерживал дыхание (ведь один только его вдох мог испепелить весь город, не говоря уже о выдохе). Но Алиса умела читать по его глазам. Насмешливые золотые глаза дракона спрашивали всегда почти одно и то же: «Ты меня не боишься?»

– Не боюсь, – говорила Алиса твердо, и тогда дракон склонял перед ней свою голову. Алиса взбиралась ему на шею, а оттуда переползала на спину. Каждое прикосновение к телу дракона оставляло ожоги на коже, но Алиса терпела, сжав зубы.

– Я готова, – наконец сообщала она, и тогда дракон, взмахнув огромными рыжими крыльями, взмывал в небо.

– Выше, – просила Алиса. – Еще выше.

И дракон слушался.

Они поднимались высоко, очень высоко – туда, где ночуют звезды. Большой и красивый мир, в котором Алиса жила, постепенно съеживался до размеров теннисного мячика, а облака, наоборот, росли. Во время полета Алиса дышала ветром, любовалась мячиком-миром и представляла, будто у нее за спиной есть крылья и летит она сейчас сама, без помощи дракона. Ветер трепал ее волосы, обвевал лицо приятной прохладой, и она чувствовала себя самой счастливой на свете...

Дракон делал три широких круга над планетой и снова приземлялся на площадку перед Алисиным домом. Алиса соскакивала с рыжей спины и заглядывала в огромные золотые глаза – они каждый раз говорили: «Я люблю тебя».

– За что? – удивлялась Алиса.

«Ты похожа на небо. А я люблю небо больше всего на свете. Теперь у меня их два».

– Я тебя тоже люблю. Жаль, что мы не можем быть вместе, – вздыхала Алиса. – Рядом со мной ты не можешь дышать, а мне рядом с тобой очень жарко – ты такой горячий! С тобой сложно – есть опасность сгореть заживо...

– Тяжело это – быть солнцем? – вдруг спрашивала она.

«Не труднее, чем быть небом», – усмехался дракон.

Но тут вдруг загорался подол Алисиного платья – это означало, что дракон больше не может удерживать дыхание. Алиса, пытаясь сбить пламя, кричала:

– Улетай! Тебе больше нельзя здесь оставаться. Увидимся завтра!

«Увидимся», – обещали лукавые золотые глаза. И дракон улетал – светить.

А Алиса, потушив огонь, оставалась на земле – ждать следующего полудня...

Она пробовала писать ему письма, но бумага превращалась в пепел еще до того, как дракон успевал прочитать первую строчку.

Тяжело это – любить на расстоянии...

А глупые люди говорили: «Посмотрите на нее – она хочет украсть наше солнце! Почему ей достается больше тепла и света, чем другим?»

ВЫСТАВКА СУМАСШЕДШЕГО ХУДОЖНИКА

В одном несуществующем городе жил-был Сумасшедший Художник. Жилось ему, правда, не очень хорошо, потому что денег никогда не хватало.

Каждый год Художник устраивал во дворе своего старого дома выставку, надеясь продать хотя бы несколько картин. Посмотреть на его работы приходило много народу, но никто никогда ничего не покупал. Неудивительно, что его картины не нравились людям: на одной, например, был изображен страшный дракон, на другой – волк, оскаливший зубастую пасть, на третьей – какое-то ужасное чудовище...

Вот и приходилось Художнику голодать, а иногда ему даже случалось просить милостыню на Главной площади. Но несмотря на свое бедственное положение, он продолжал рисовать.

– Бросил бы ты это занятие, – часто говорил Художнику его старый друг. – Твои картины гроша ломаного не стоят. Иди лучше к нам в школу работать учителем ИЗО, хоть какую-то зарплату будешь получать.

(Старый друг Художника преподавал математику в начальных классах.)

– Тебе меня не понять, – вздыхал в ответ на это Художник и отводил взгляд. Он не любил смотреть своему другу в глаза.

– Я просто хочу помочь, – продолжал настаивать друг, не замечая, что Художник уже давно его не слушает.

Такие разговоры случались все чаще и чаще, и непонимание между ними все росло и росло, пока однажды не вылилось в ссору. Ссора была порядочная, и с тех пор они больше не общались и даже не здоровались. Вот так Художник пожертвовал лучшим другом ради искусства.

С тех пор прошло много-много лет, а Художник все продолжал рисовать и каждый год по-прежнему устраивал выставки во дворе своего дома. Теперь, когда он стал совсем одинок, он смог уделять любимому занятию все свое свободное время. Вскоре картин скопилось так много, что художнику пришлось пристроить к дому дополнительный этаж для их хранения. Но он продолжал и продолжал рисовать...

А потом наступила весна, и пришло время для очередной выставки.

Поглязеть на работы Сумасшедшего Художника явились самые разные люди со всех уголков несуществующего города: и старые, и молодые, и бедные, и богатые. Даже мэр города порадовал Художника своим присутствием.

Целый день люди рассматривали картины, изумлялись, ужасались, смеялись. Но когда наступил вечер, они снова ушли ни с чем, и ни одна картина по-прежнему не была куплена.

«Мой старый друг был прав, – думал Художник, сворачивая холсты и унося их в дом со двора. – Мои картины не стоят и ломаного гроша, я бездарен. Мне уже почти сорок лет, а я занимаюсь ерундой. Хватит! Пора покончить с этим, пора найти работу, заняться серьезным делом...»

Весь вечер он просидел на крыльце, раскуривая трубку, а когда на несуществующий город опустилась ночь, Сумасшедший Художник решил сжечь свои работы, все до одной.

Но не успел он растопить камин, как в дверь постучали.

«Интересно, кто бы это мог быть?» – подумал Художник, открывая дверь.

На пороге стоял маленький человечек в зеленом костюме.

– Здравствуйте. Я пришел на выставку, – сказал человечек.

– Вы опоздали, – ответил Художник.

– Какая жалость! А когда будет следующая выставка? – спросил человечек.

– Следующей выставки не будет. Я бросил живопись.

– Какое несчастье! – воскликнул человечек, и глаза его наполнились слезами. – Ваш уход из искусства – ужасная потеря для всех нас.

– Для вас – это для кого? – удивился Художник.

Человечек всхлипнул, утер глаза краешком зеленого рукава и только после этого принялся объяснять:

– Мы – жители Другого Мира. Мы уже несколько лет следим за вами. В нашем мире у вас миллионы поклонников, вас ценят и любят. Я был послан сюда нашим королем, чтобы купить одну из ваших картин. Можно мне их посмотреть? Пожалуйста!

– Конечно, можно! – ответил Художник и пригласил человечка в свою мастерскую.

Человечек долго-долго разглядывал каждую картину, восхищаясь мастерством Художника.

– Знаете что? – сказал он наконец. – Ваши картины так прекрасны, что я не могу выбрать из них какую-то одну. Можно мне купить их все? Я очень хорошо заплачу, не сомневайтесь!

– Забирайте, пожалуйста! – ответил Художник. – Только денег не надо. Пусть это будет мой вам подарок.

– Спасибо! Это самый лучший и самый щедрый подарок из всех, который я когда-либо получал! – обрадовался человечек.

Он выскочил на улицу, погрузил все картины в свою повозку и уехал. А Сумасшедший Художник долго-долго махал ему вслед рукой.

– Заходите еще! – прокричал он вслед человечку.

Вернувшись домой, Сумасшедший Художник позвонил своему старому другу и пригласил его в гости на чашечку кофе.

ВЕРА ТОПОРОВА

СОЛНЕЧНАЯ ДЕВОЧКА

Она села на кровати, удивленно смотря вокруг заспанными глазами. Лямка ее белой майки сползла с левого плеча и оставила его совсем беззащитным.

– А у меня для тебя подарок, – сказала я и улыбнулась.

– Что за подарок? – ее глаза сразу же проснулись, и личико стало лукаво-любопытным.

Я показала на окно.

– А-а, ты спрятала за занавеской солнце! – радостно выкрикнула она и рассмеялась.

Я раздвинула шторы, и солнце хлынуло в комнату, обрызгав ее ноги и беззащитное плечо.

Она вскочила с кровати, быстро поцеловала меня и стала танцевать, напевая «Here comes the sun I say, it's all right».

Потом вдруг толкнула меня и подлетела к окну. Жмурясь, стояла, становясь все солнечнее и солнечнее. Потом повернулась ко мне и строго спросила:

– Это что же, я с тобой сегодня спала в одной постели?!

Я улыбнулась и опустила глаза:

– Так, получается...

Она нахмурилась и снова повернулась к окну. Я подошла к ней и обняла за плечи. Такие горячие, нагрелись на солнце.

– Это же первый солнечный день за несколько недель! – ее голос снова стал теплым и ласковым.

– А ты знаешь, сколько сейчас времени? – спросила я, целуя моего лучистого ангела в шею.

Она взглянула на часы и ойкнула. Час дня. Тогда она вырвалась из моих объятий, схватила меня за руку и, потряхнув головой, заявила:

– Пора пить чай.

Мы отправились на кухню. Она чуть не поранилась, когда нарезала лимон. Вскипел чайник.

Мы пили чай с лимоном и остатками вчерашнего кекса. Отхлебнув из своей кружки еще один раз, она отставила ее в сторону и испытующе взглянула на меня.

– Скажи мне одну вещь.

– Какую?

– То, что ты говорила ночью... Это правда?

Я наклонилась и поцеловала ее коленку. На ее щеках начал появляться румянец.

– Конечно, правда.

– И ты меня любишь?

– Ты моя самая любимая солнечная девочка!

Она погрозила мне пальцем, рассмеялась и скользнула солнечным зайчиком мне на колени. Мне стало горячо от ее поцелуев, а по радио передавали усиление морозов.

ОБЫЧНО

Все началось как обычно. В самый обычный день. Как обычно он встал и пошел на работу. Как обычно он отработал свое положенное время. И так же, как обычно, он шел с нее вечером по темным, таким обычным московским улочкам.

Была обычная зима. Самая обычная, какую только можно представить. Так он и шел своей дорогой и почти дошел до дома, но споткнулся на самой обычной московской луже. Гололед, так сказать, обычный гололед...

Как говорится обычно в такой ситуации: споткнулся, упал, очнулся – гипс. Но все было бы хорошо, если бы не было так плохо.

В тот обычный вечер он доковылял до дома и решил, что не пойдет ни в больницу, ни в травмпункт, так как, как обычно, после работы устал и уже ничего, как обычно, не хотел, кроме того, чтобы поужинать и лечь спать. Что он и сделал.

На следующее обычное утро он встал или, лучше сказать, попытался встать, и опять же, как обычно, собирался пойти на работу. Но, пытаясь встать с кровати и нащарить тапочки, он вспомнил, как прошлым обычным вечером упал на льду. И все же ему удалось встать, доползти до кухни и заварить себе обычный утренний кофе.

Пройдясь, или, вернее, пропрыгав по квартире, он понял, что до работы у него допрыгать не получится. Он позвонил на работу по обычному номеру, по которому звонил довольно часто, когда заболел или не хотел идти на работу, ссылаясь на болезнь или на обычную временную депрессию. Как обычно, сбивчиво объяснив ситуацию (по-другому он не умел или не хотел), он решился на поход в травмпункт. Это был для него необычный шаг, так как обычно в медицинские учреждения он обращаться не любил.

Он позвонил друзьям, которые обычно помогали ему в любой ситуации, и они, как обычно, согласились помочь. Он оказался в необычной для себя ситуации, так как не думал, что травмпункты находятся так далеко от дома и до них не ходит никакой транспорт. Но все же он прошел этот длинный путь, ведь друзья, как обычно, помогали ему.

Как обычно (как в принципе бывает и в других медицинских учреждениях), там была длиннющая очередь, которую он, как положено, отсидел. Очередь состояла из рабочих, которые делали ремонт в этом же травмпункте. Попав к врачу на прием, он уже надеялся, что все его мучения подошли к концу, но, как обычно, ошибся. Врач, даже не глянув на ногу, отправил его делать рентген. На обычный в этой ситуации вопрос: «А в каком кабинете?»

врач выпучил глаза и сказал, что вообще-то рентген надо делать в обычной поликлинике, которая находится всего в пятнадцати минутах ходьбы отсюда.

Больной немного удивился, но решил, что если уж он проделал такой далекий путь до травмпункта, то уж как-нибудь доковыляет и до поликлиники. Проведя это, он сел в обычную очередь, как обычно состоящую из рабочих. Отсидев в обычной очереди, он прошел в кабинет. Там он узнал, что у него совершенно обычное сотрясение мозга и перелом пальца правой ноги. Выходя (или лучше сказать, выпрыгивая, из кабинета) он услышал причитания врача, который говорил, что обычно при сотрясении мозга прыгать нежелательно и даже опасно для здоровья. Про перелом врач, видимо, уже забыл.

Допрыгав обратно до уже такого привычного, родного и обычного травмпункта, он еще раз отсидел обычную очередь, заметив при этом, что число рабочих, ремонтирующих травмпункт, уменьшилось во столько же раз, во сколько увеличилось число рабочих травмированных. Он дождался своей очереди. Зашел в обычный кабинет врача. Врач, как обычно, глянул одним глазом на рентген. «Ну что ж, – сказал он задумчиво, – у вас переломчик... Гипс накладывать будем?» Естественно, больной даже не нашелся, что на это ответить, ведь обычно врачи не должны задавать таких вопросов, а должны решать это сами... Но, наверное, этот обычный врач оказался совсем даже не обычным.

С одной стороны, больному было даже необычайно приятно, что врача интересует его мнение, но все же он в этом ничего не соображал. И задал обычный вопрос: «А как лучше-то?» Врач посоветовал гипс не делать. Ну типа, как срастется, так и срастется: «Вам этим пальцем все равно ничего делать не придется...» И отпустил нашего больного домой, ничего ему больше не сказав...

Вот такая вот она, наша бесплатная медицина в России... Так что лучше берегите себя сами!

СБОРНИК КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Есть свой парадокс в сборниках, подобных этому. Вообще определение автора в некий неаналитический (наподобие региональной, поколенческой, тематической или жанровой антологии) том, знаменателем коего является определенная структура *вне* литературного поля, вызывает априорное подозрение. Поэты города N-ска, заручившись муниципальным словом Ивана Ивановича и деньгами Петра Петровича, *репрезентируют* свой град. Или на предприятии NN, производящем нужный для обороны родины болт, два бухгалтера, три инженера и ветеран болтового производства также чего-то пишут, – как не издать, ведь госзаказ же, ведь два договора на поставки с латиноамериканскими государствами, строящими истинно демократические общества, – дать им денег, тираж пять тысяч! Хуже: сборники различных ЛИТО, советских ли, постсоветских, вроде бы, да сборники подавляющего числа вузов – принадлежность поля литературы, но, увы, паралитературного ее подбрюшия...

В данном случае, однако, мы имеем дело с особым случаем. Во-первых, это не NNN-ский пединститут с единственным на весь вуз кандидатом наук в качестве ректора, но РГГУ, репутация коего в культурном сообществе бесспорна. Во-вторых, мы имеем дело не с навязанной *сверху*, но самообразовавшейся молодежной литературной структурой – ЛитПроектом РГГУ, организованным силами самих студентов. Соответственно, это не казенные щи, но добротный андеграундный глинтвейн. Единственно что (не устаю повторять) способно выжить в словесности – это самоорганизующиеся структуры, не партийные (тут самоорганизацию просто превратить в ее фантом), не тусовочные (выпить и поболтать можем и в другом месте), но связанные *самой склонностью* к письму и обсуждению оного. При этом важен разброс ценностных, эстетических, методологических моделей, присущих отдельным участникам подобного сообщества, – именно такой разброс делает говорящих *клубом* в его изначальном, самом возвышенном значении. Конечно же, происходят выбраковки, есть принципиальные табу – но это характерно для всякого социума, что микро-, что макро-. Абсолютно хаотические системы требуют такой духовной практики, которую нынешняя цивилизация старается не допускать. Она возможна, но не здесь и не так, и вообще разговор не об этом.

Разговор о сборнике под названием «День открытых окон» (удачное полисемантическое название: каламбурная ссылка на вуз и метафорическое указание на внутреннюю свободу). Стихи и проза. Мне, по роду деятельности, ближе стихи. Да, пожалуй, поэтический раздел – основной в альманахе. Хотя бы потому, что здесь (в качестве, как это ранее говорили, *паровозов*)

присутствуют молодые авторы, уже снискавшие известность на литературной сцене. Например, Анастасия Векшина: в ее поэзии мимолетность, рассыпанные элементы мира, не значащие ничего, вроде бы, осколки мироздания, складываются в убедительный эмоциональный портрет. Или Лев Оборин, работающий как с поэтическим пафосом постромантического толка, так и, одновременно, с его деконструкцией.

Среди поэтов, в меньшей степени засветившихся в литературном мире, отмечу Антона Буланкова, мастерски работающего с юношеским поставангардным мифом, отрефлектированным благодаря радикальному (в том числе слэмерскому и музыкальному) дискурсу; Александру Бабушкину, умеющую и в свободном стихе и в (несколько менее убедительно) регулярных текстах продемонстрировать своего рода отстраненную интимность; Анну Орлицкую, лучшие тексты которой сближаются с традицией *новой искренности*, главенствующей в новейшей молодой поэзии. Яркие тексты встречаются и у других поэтов.

Прозаический раздел представляется мне менее убедительным. Кроме изошренно-фрагментарного Александра Поливанова – не новичка, впрочем, – остальные авторы скорее нащупывают свой путь: кто через фэнтези, кто через юмористику, кто через лирическую откровенность.

Во всяком случае, этот сборник, безусловно, останется еще одним доказательством реальности молодых голосов в современной словесности.

Данила Давыдов

Сведения об авторах

Камиль Айсин	4 курс ЦИР
Александра Бабушкина	4 курс ИФИ
Юлия Боровикова	3 курс ИЛ
Антон Буланков	3 курс ИЛ
Светлана Воронцова-Павлова	5 курс ФЖ
Валентина Зобнина	5 курс ИФИ
Оксана Иванченко	4 курс УНЦСА
Валентина Канухина	2 курс ИФИ
Ирина Кривенкова	4 курс ФИИ
Екатерина Малова	4 курс УНЦСА
Варвара Маркина	3 курс ИЛ
Дмитрий Неизвестен	4 курс ФИИ
Лев Оборин	5 курс ИФИ
Анна Орлицкая	3 курс ИЛ
Александр Поливанов	5 курс ИФИ
Ева Рапопорт	4 курс ФФ
Майя Руцкая	5 курс ИФИ
Мария Свидзинская	5 курс ФТАД
Виктория Середа	4 курс ФИИ
Юлия Стародубцева	3 курс ИФИ
Владимир Стофорандов	3 курс ИЛ
Анастасия Талицкая	3 курс ИЛ
Вера Топорова	2 курс ИФИ
Маргарита Шатина	3 курс ФИПП
Екатерина Яшина	2 курс ИФИ

ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ОКОН

Стихи и проза студентов РГГУ

Составитель А. Орлицкая.
Послесловие Д. Давыдова.
Дизайн обложки М. Гурова, А. Буланкова, А. Орлицкой.

Подписано в печать 26.09.2007 г.
Формат 60x88 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 6. Тираж 300 экз.
Заказ